

КНИГИ
ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Жанна
Шинелева

Счастье по-житейски

Уютные рассказы
для чтения за чашечкой чая

Книги для счастья

Жанна Шинелева

**Счастье по-житейски.
Уютные рассказы для
чтения за чашечкой чая**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 159.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шинелева Ж.

Счастье по-житейски. Уютные рассказы для чтения за чашечкой чая / Ж. Шинелева — «Издательство АСТ», 2023 — (Книги для счастья)

ISBN 978-5-17-155406-4

Жанна Шинелева – Член Российского союза писателей, автор, завоевавший любовь читателей своими уютными историями. Рассказы, которые публикуются на Дзен-канале «Икагай» достигают 300 тыс. прочтений. «Счастье по-житейски. Уютные рассказы для чтения за чашечкой чая» – это легкие истории, которые словно укутывают вас в одеяло и дарят тепло домашней атмосферы. Благодаря книге вы будете ностальгировать, узнавая себя в школьнице-задире, удивляться перипетиям судьбы и искренне радоваться за непутевого Вовчика, который не упустил второй шанс. Эти рассказы вселяют надежду и учат ценить те простые мелочи, которые окружают нас каждый день.

УДК 159.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-155406-4

© Шинелева Ж., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Деньги испортили	6
Вовчик непутевый	8
На роду написано	10
Я не продам эту квартиру	14
Сема	16
Вон из моего дома	19
Родственнички	24
Ненужная	28
Лизкин папа	31
Оболтус	34
Забрал	38
Бабушкина помощь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жанна Шинелева
Счастье по-житейски. Уютные
рассказы для чтения за чашечкой чая

© Шинелева Ж., текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Деньги испортили

– Стыдно, Ир, честное слово!

– А что такого я сказала?! Мы купили, принесли, чего она прячет-то?

– Сытый голодного не разумеет, – вздохнул муж, завел двигатель и стал выезжать со стоянки. Дальше они ехали молча.

...Несколько лет назад Ира, Катя, Матвей и Олег познакомились в университете. Как-то сразу сложились пары: Ира и Олег, Катя и Матвей. Они гуляли вместе, дружили, мечтали. По окончании университета, как и планировали, устроили сразу две свадьбы.

Жили не очень далеко друг от друга. Родители Иры подарили на свадьбу молодым отдельную квартиру. Катя и Матвей долго снимали жилье, пытались копить. С работой все никак не везло. С этого момента, пожалуй, и началось их разделение.

Ире и Олегу повезло больше. У Иры был красный диплом, и ей сразу же сделали «интересное предложение», даже два, и девушка еще выбирала между ними. Ее выбор пал на очень хорошую фирму, в паре станций метро от дома. Им нужен был молодой специалист, умный, перспективный, они хотели обучить его под специфику своей фирмы. Ира подошла идеально. А потом, через полгода, она смогла перетащить туда мужа. Очень удачно сложилось: Ира случайно узнала, что коллега собралась уходить, и на ее место никого не было, хотели выставить вакансию, а Ира набралась смелости, явилась к начальству и вовремя предложила Олега. Дальше все пошло как по маслу. Супруги стали работать вместе и хорошо зарабатывать.

Катя и Матвей мыкались в поисках хорошей работы по специальности. Непонятно почему, но при равных условиях (ведь окончили они один и тот же вуз) перспективы у них складывались совсем другие. Конечно, у них не было красного диплома, как у Иры, но и без него тысячи людей успешно устраиваются на работу. Однако им не везло. В конце концов Матвей вынужден был пойти работать курьером. К тому времени они взяли в ипотеку квартиру: родители помогли накопить на первый взнос. Катя пошла работать продавцом-консультантом в магазин косметики: дипломы о высшем образовании пылились на полке.

Они все просили Иру тоже пристроить их при случае, и она обещала, но что она могла сделать? Ведь Ира и сама там работала «без году неделю», была обычным сотрудником, а тогда с Олегом просто фантастически повезло. Но друзья немного обижались. Однако продолжали общаться и дружить. Вместе отмечали праздники и дни рождения.

Вскоре Катя забеременела, родила сына, а через год – дочь. С деньгами, конечно, стало еще жестче. Тогда как Ира с Олегом «детскую тему» пока откладывали. Они жили на широкую ногу, отдыхали, покупали вещи, технику, словом, все, что хотели.

Друзьям помогали. Приезжали в гости с ворохом подарков и для Кати с Матвеем, и для детей. И еще привозили угощения на стол. Такие, которые Катя и Матвей не могли себе позволить.

Со временем пропасть между парами стала расти. Они все больше отдалялись и, в конце концов, перестали понимать друг друга.

– Олег, ну разве ты не замечаешь, что Катя прячет продукты, что мы привозим? Да, стол у нее не пустой, но он «простецкий». Я не хочу пустую картошку жевать с курицей жареной. Я купила семгу, икру. А она в холодильник сложила все. На стол не поставила. И торт этот вафельный! Ну, это просто выше моих сил! Терпеть не могу вафельные торты! Мы же с тобой специально в маркет заезжали, в пробке стояли, купили торт шикарный, а она его в холодильник спрятала. Вот я и не сдержалась! Выказала ей все. А она в обидки сразу. Что, мол, не знала, что это мы, оказывается, привозим для себя, а не для них! Дело не в этом!

– Да понимаю я все, Ир! – сказал муж. – Но стыдно перед ребятами, ей-богу! Мы же друзья. Что ты считаешься? Ты хочешь семги? Ну, поехали, купим. Сядь и ешь ее сколько

влезет. Что ты завелась-то? У них, видать, совсем туго с деньгами. Видишь, бедность из всех щелей прет. И за ипотеку они еще платят, и дети маленькие, Катя не работает. Тебе хорошо рассуждать.

– Мне хорошо?! – удивилась Ира. – Да кто ей мешал вместо гулянок в универе учиться? Я день и ночь сидела, ты же помнишь! Вот и результат – красный диплом. Он, между прочим, и сыграл ключевую роль в нашей «удаче». Только никакая это не удача, скажу тебе, а кропотливый, упорный труд. Ничего не бывает просто так и с неба не падает. Без труда, знаешь ли, не выловишь и рыбку...

– Что ты заладила, Ира? Я понимаю это. Только в любом случае нужно оставаться людьми, я считаю. А деньги, выходит, тебя испортили, – сказал Олег и вышел из кухни, потому что у него засигналил смартфон: звонили с работы. Они оба были очень занятые люди. За этот достаток приходилось «платить» свободным временем. С работы могли позвонить даже вечером и в выходной.

Ира сидела и думала о том, что она все-таки права. А Олег, вероятно, забыл, благодаря кому у него в жизни все так шоколадно сложилось. Свои деньги она заработала честным трудом и вовсе не обязана кому-либо помогать, даже по старой дружбе. Дружба дружбой, а денежки врозь.

Олег же думал о том, что Ира стала уж слишком задирать нос. Вероятно, достаток испортил ее характер. И это его расстраивало. Ведь их друзьям просто не повезло в жизни, разве можно было их в этом упрекнуть?

Катя и Матвей сидели на своей кухне и тоже разговаривали о произошедшем конфликте. Детей Катя уложила спать, и они мирно посапывали в детской.

– Видеть ее не хочу больше, Ирку эту наглуую! – заявила Катя. – Совсем от жадности ума лишилась, фрукты на столе пересчитывает! Это надо?! Виноград я ее дорожкой не выложила на стол! А зачем? Там апельсинов и яблок полно было! Ну и что, что кислые?! Кушайте что дают, вы в гостях! А виноград я думала детям потом дать, вот и убрала в холодильник. И икру. Зачем на стол выставлять, стол и так полон?!

– Да успокойся ты, Кать! Пошли они! Богачи. Забыли, как с нами вместе скидывались на бутерброды в университетской столовой. Добро никто не помнит.

– Ага, – согласилась Катерина, укладывая на ломтик хлеба кусок семги из пакета, который привезли Ира и Олег. – Будешь?

– Давай! – согласился Матвей. – Что там еще осталось вкусенького, доставай, что жадничаешь?

– Погоди, я же детям хотела дать!

– Да ладно, доставай, сейчас «заточим»! – веселился Матвей.

Вовчик непутевый

Настасья Аркадьевна тяжело поднималась по ступенькам подъезда, опираясь на палочку. Она только что прошла мимо местных кумушек, которые традиционно в это время сидели на лавочке, и прямо затылком чувствовала недобрые, осуждающие взгляды. Только пожилая женщина скрылась за дверью, как неодобрительные взгляды тут же сменились осуждением вслух.

– Во, сама еле ходит, а все таскается к нему-то!

– На кой он ей сдался? Непутевый.

– Совсем из ума выжила...

Непутевый – это внук Настасьи Аркадьевны Вовчик. Бабуля регулярно отвозила ему передачи, потому что внук находился в местах не столь отдаленных...

Вовчик с самого детства был любимцем бабушки. Она ему все разрешала и все прощала. А родителям воспитывать его было некогда и неохота. Сами молодые совсем, по двадцать лет им было, когда он родился, вот и скинули бабушке на воспитание. А она рада была, любила мальчонку безумно и баловала. А Вовчик хулиганистый рос. Все во дворе знали, что если бабуля его на площадку вывела, то не жди нормальной игры: начнутся драки и слезы. Но Настасья Аркадьевна за него горой. Он хоть и драчливый был, однако первым никогда не лез. Просто спуску не давал, и если его кто обижал, то сразу в драку кидался.

А когда подрос и бабуля его в школу отвела, то и там шороху наводил. Мешал вести уроки, шумел и хулиганил, а на переменах бегал, сшибал всех с ног и дрался. Кое-как закончил девять классов и отправился в училище, на автослесаря, да не доучился. Связался с местной компанией, которая воровством промышляла, и срок получил. Сам-то ничего особо не делал, но тем не менее, был там вместе со всеми, значит, участвовал...

– Доброго денечка, Владимир Вениаминович!

– Какая погода-то сегодня хорошая, солнышко светит!

– Доброго Вам здоровья!

– Добрый день, Татьяна Ивановна, Дарья Никитична и Ольга Петровна! И вам не хворать.

Как у вас тут дела, все в порядке? Или еще какие проблемы? Вы только скажите!

– Все хорошо!

– Спасибо!

– Благодаря вам!

Вот как местные «кумушки» раскланиваются, сидя на лавочке у подъезда! А ведь Вениаминович-то – это тот бывший Вовчик непутевый. Только теперь назвать его так ни у кого и язык не повернется.

Когда вышел он из заключения, то приехал к бабке. Родители от него отвернулись. И раньше-то не особо общались, не нужен он им был. Они оба туризм любили, постоянно мотались по стране: палатки, песни под гитару. А Вовчик все с бабушкой. А когда попал он в плохую историю, родители и вовсе отреклись от него, сказали, нет у них сына больше. И девушка Вовчика бросила, как узнала. Была у него девушка, хорошая. Конечно, родители ее не одобряли такую любовь, парень-то беспутный, вот оно и вышло, что не сложилось у них. Вовчик все писем от нее ждал, надеялся, да не дождался. А бабуля жалела и любила его очень.

Вот освободился он, а местные-то все притихли. Боялись, опять буяннить начнет Вовчик. И Настасью Аркадьевну сторонились. Еще бы! Из-за нее какой контингент в доме появился! А он тихонько пожил некоторое время у нее, а потом ушел на съемную квартиру. Все поговаривали, что опять нехорошими делами занялся парень. Так и этак подкатывали к бабке, скажи, мол, да скажи, где внучок-то твой ошивается и что делает. А она – молчок. Мол, внук велел никому не говорить, и уходила быстренько от бесед таких.

А Вовчик, не будь дураком, бизнесом занялся, автомастерскую открыл. Пока находился в заключении, завел полезные связи. Так вышло, что авторитету местному помочь смог, случайно. А может, не случайно. Может, так судьбой предначертано было. А фирму они вдвоем с другом открыли. Тоже оттуда друг-то вернулся. Крепко они в те годы подружились, как родные братья стали.

Конечно, не сразу дела пошли, сначала поработать пришлось, денег подкопить. Но все честным путем. Еще тогда, в местах не столь отдаленных решили они больше не иметь проблем с законом, а план придумали и все по пунктам расписали. Когда открыли небольшой автосервис, сначала сами работали, потом денег набили, смогли людей нанять. А много позднее, когда дела совсем удачно пошли, открыли они еще один автосервис, а потом третий.

Когда через пять лет приехал Вовчик на хорошей машине к бабуле в гости, никто не узнал его: пиджак, галстук. Кумушки рты пораскрывали, а он вежливый такой. Остановился, с бабушками поговорил о том, о сем, какие новости. А они ему про проблемы свои. Мол, асфальт во дворе совсем облупился, ямы да канавы. Парковки нет, машины ставят где попало, кусты давят и клумбы. Автобус отменили, что до поликлиники шел. Теперь, говорят, пешком только. А куда ж нам, бабкам пешком-то? Тяжело...

Погостил у бабули Вовчик денек, уехал, а потом через неделю техника приехала строительная. Старый асфальт весь перед домом содрали, положили новый: ровный, красивый. Потом кусты привезли, цветы в ящиках. Клумбы устроили. Парковку заасфальтировали. Бабулям две лавочки новые поставили, удобные, со спинкой. Вовчик сам приехал, все проконтролировал, как получилось. Это я, говорит, бабушкин двор захотел в порядок привести. Детство, говорит, тут мое прошло, негоже, что запустение такое. А все так и замерли от восхищения. Теперь Вовчик, а вместе с ним и Настасья Аркадьевна вмиг самыми уважаемыми людьми стали.

А автобус обратно стал ходить до поликлиники, маршрут вернули. Ведь у Вовчика связи где надо были. И кумушки по-другому запели. Идет Настасья Аркадьевна домой из магазина, так они ей здоровья желают и привет внуку передают. Хорошего, говорят, человека ты вырастила, молодец. Доброго, благородного. Настасья Аркадьевна улыбается, а сама вспоминает, как они о ней еще недавно говорили. Ну да Бог им судья, думает бабушка. Теперь и у нее другая жизнь пошла. Внушек в санаторий ее регулярно два раза в год устраивает, по хорошим врачам возит, беспокоится о ее здоровье. Потому что любит он бабулю и помнит, как когда все от него отвернулись, она ему передачи возила: сгущенку, тушенку да печенье.

– За то печенье, – говорит Вовчик, – я тебя, бабушка, до конца жизни не смогу отблагодарить.

И целует ее в морщинистую щеку. А Настасья Аркадьевна улыбается. Она ведь всегда знала, что Вовчик хороший...

На роду написано

Арина была просто в ужасе. Наконец-то ей повезло, так долго она этого ждала, но вот ведь проблема: может все рухнуть в один момент. Что делать-то? Что?!

Марк был воплощением девичьей мечты. Красивый, умный, перспективный. Ну, подарок просто! А Арине долго не везло с парнями. Совсем не везло. Были встречи, были знакомства, да неудачные, а потом она разочаровалась совсем.

– Ладно... Видимо, одной мне быть на роду написано, – грустно вздыхала девушка, сидя на кухне и грустно попивая чай.

– Что ты несешь?! Какие твои годы? – улыбнулась мама, повернувшись от плиты и вытирая руки кухонным полотенцем. – Тетя Тоня знаешь, когда замуж вышла? В сорок лет! Ну и что? Еще и двоих детей успела родить. А тетя Лида? Что толку, выскочила замуж в восемнадцать? Так до сих пор и скачет. Три раза разводилась. Все идеал ищет. Тьфу! Профурсетка, прости Господи!

Галина Ивановна перекрестилась.

– И выбрось дурь из головы! Придет еще твоё время.

– Что тут у нас за разговорчики? – в кухню вошел папа Арины, Иван Леонидович. – Ставь, мать, картошку варить, я селедку купил! Во!

Иван Леонидович плюхнул на стол прямо перед Ариной сильно пахнущий сверток.

– И луку! Луку нарежь. Я люблю, когда с лучком. Эх, салца не купил! Ладно. Завтра пойду с работы, зайду. Аринка! Чего нос повесила? Поехали со мной на рыбалку в выходной!

– Я те покажу рыбалку! Я те покажу! – мать схватила полотенце и принялась хлестать Ивана Леонидовича по спине. – Если как в прошлый раз вернешься на бровях, не пущу. Так и знай. Рыбу я и в магазине могу купить!

Арина грустно посмотрела на родителей, вздохнула и ушла в свою комнату.

Такой вот простой жизни ей не хотелось: селедка, рыбалка, лук, картошка... Она мечтала подняться повыше. И у нее почти получилось. Окончила школу на одни пятерки. В институт поступила. Родители сразу сказали, что денег на платное нету. Только если на бюджет. А отец вообще не понимал, зачем ей этот институт. Сел за стол напротив Арины, посмотрел на нее своими бесхитростными голубыми глазами и сказал:

– А что, доча, на завод к нам не хочешь? Хорошо платят. И санаторий есть, знаешь какой! Поликлиника своя, ведомственная, доктора хорошие. И столовая. Ух, как там кормят! Знатный борщ! – Иван Леонидович довольно зажмурился и потер руки.

– Папа, – снисходительно посмотрела на него Арина, – я учиться хочу. Выучусь, буду деньги хорошие получать. Квартиру куплю, машину. Замуж выйду.

– Отстань от нее, Ваня! Пусть выучится. А борщ в нашей столовой она всегда поест успеет, – усмехнулась мать.

Поступила. Выучилась. Но с работой не везло ей пока. Искала-искала, да все не то. То зарплата маленькая, то ехать далеко. А подружка Вероника все приговаривала:

– Нечего пыhtеть, стараться на работе! Ты кто? Женщина! Красивая. Тебя мужчина обеспечивать должен! А ты будешь украшать его жизнь. Надо просто найти достойного и замуж быстренько за него, ррраз!

– Все у тебя просто, Вероник! А сама-то неужто плохо ищешь? Что ж до сих пор не нашла? – усмехнулась Арина. – То-то и оно! Не все так просто. Да и не надеюсь я принца встретить. Хотела сама вообще-то подняться. Просто пока не получается. Хотя, конечно, замуж бы неплохо...

Марк повстречался на пути Арины внезапно. В очереди в МФЦ. Стояла она, скучала, а тут он. Тоже стоит, скучает. Арина стала его незаметно разглядывать: «Вот парень классный!

Повезло же кому-то!.. Кольца нет. Ну и что? Может, не носит. Снял». Арина почувствовала на себе его взгляд и смутилась: «Вот дура! Пялюсь тут. Он женат, небось. И дети есть... Стыдно даже как-то», успело пронестись в голове Арины, и она густо покраснела. Подошла его очередь, он встал к окошку, что-то быстро подписал и пошел к выходу. Арина тоже вскоре закончила свои дела и села в лифт, чтобы ехать на первый этаж здания. Приехала. Едва раскрылись двери и перед ней предстал холл, она увидела того парня. Он стоял около прозрачных дверей, у выхода.

– Девушка! Может... может, вы не откажетесь выпить чашечку кофе? Тут рядом кафешка есть. Я угощаю! – парень шагнул ей навстречу, преграждая дорогу.

Он так очаровательно улыбался, что у Арины просто подкосились ноги. Она дрожащим голосом согласилась, и молодые люди отправились в кафе.

Через несколько минут они уже весело болтали и Арина чувствовала себя легко и непринужденно. Говорили обо всем. Он тоже недавно окончил институт, устроился на работу. Говорил, что хочет добиться чего-то в жизни, старается. Потому с девушками не встречается. Некогда. А мама переживает, что без внуков останется. Потом он со смехом рассказал, как мама его пару раз пыталась женить. Но все эти дочери ее знакомых... они не понравились Марку. Он шутя описывал то, как происходили эти чопорные встречи. Как мама суежилась и готовилась к ним. А девушки были все, как на подбор, не симпатичные, бррр... И на третий раз Марк заявил маме, что, мол, с него хватит! И невесту он будет себе искать сам!

При этих словах Арина смутилась и потупила взгляд в опустевшую кружку от кофе.

Но Марк наклонился и заглянул в ее глаза. А потом улыбнулся. Они смотрели друг на друга и молчали. И это было так трогательно и нежно...

С того вечера прошло уже полгода. Молодые люди часто встречались. И Марк, уступив настойчивым просьбам матери, как-то даже пригласил Арину познакомиться со своими родителями. Все прошло гладко. Арина им понравилась.

– Хорошая скромная девочка, – сказала мать Марку, – и красивая. Вроде не лентяйка... Образованная, умная. Надо бы со сватьями познакомиться!

– Мама! – укоризненно посмотрел на нее сын. – Не торопи события! Я еще не делал ей предложения! Какие сватья?!

– Так сделай! Чего ты ждешь? Думаешь, такая девушка будет ждать, пока ты решишься? Уведет еще кто-нибудь! Останешься с носом. Попомнишь мои слова!

– Людмила! – поморщился отец Марка, Георгий. – Что ты такое говоришь! Парень правильно поступает. Еще только полгода встречаются, такое решение не принимается с бухты-бархты.

– Ой-ли? А сам-то? – мама тепло улыбнулась и шутливо поцеловала отца Марка в щеку. Тот тоже улыбнулся и посмотрел на Людмилу с нежностью.

Марк знал историю знакомства своих родителей. Они оба научные сотрудники. Познакомились в своем научно-исследовательском институте. И папа, как только увидел симпатичную молоденькую аспирантку Людочку, которая пришла к ним работать, так пропал. Неделю ходил за ней по пятам, а потом купил роскошный букет роз, торт и явился делать предложение. А Людочка гордая была. Сначала согласием не ответила. Сказала, что подумает. Маме рассказала, а она аж ахнула и села на диван: «Что тут думать?! Он же доцент, ученый! Тебе предложение сделал, а ты? Просто хватай и беги! Только попробуй упустить такую партию!!!»

Заперла Людочку в комнате и ключ спрятала. Отец жалел девушку, тихонько ругался с матерью, уговаривал ее, чтобы прекратила она эти старинные методы воспитания и немедленно выпустила дочь. Но мать – ни в какую. Пусть, мол, посидит, образумится. А Людочка подумала-подумала и решила, что выйдет замуж за этого доцента. Ну, сутулится немного, говорит тихо, очки носит. Зато умный. И ее, Людочку, на руках носить будет!

Сыграли свадьбу. Мама Марка очень полюбила Георгия, уже потом, когда стали вместе жить. И сейчас, спустя годы, любовь между ними не стала меньше, а только преумножилась. Марк это видел и был очень рад за них.

– Мама... Мам! Я тут подумала... Может нам как-то заняться повышением культурного уровня. Всем вместе. Ну что мы прямо такие простецкие совсем! Вот, давно хотела тебя спросить, мам! Почему ты косметикой не пользуешься? И волосы так по-простому укладываешь? Ни стрижки, ни прически, – Арина сидела на кухне на стульчике, подперев щеку кулачком, и спрашивала.

– Так я ж на конвейере работаю, доча! Там некогда друг на друга смотреть. Там главное, чтоб удобнее было. Собрала волосы в хвост и всех делов. А после работы в магазин забежала, взяла картохи и домой, к плите. А уж дома-то кто меня видит! – улыбнулась мать.

– А папа? Может он не выражаться, а? Что ни слово – то... Ну не культурно как-то! И разговаривает громко, и смеется во весь голос, а уж шуточки эти его!

Мама Арины вытерла руки кухонным полотенцем и села рядом с дочерью за стол:

– Признавайся! Что такое удумала? С чего-то тебе наш культурный уровень вздумалось повышать? А? Что молчишь?

– Мам... я, кажется, замуж выхожу.

– Вань, а Вань! Поди-ка! – позвала мама мужа из комнаты, оторвав от просмотра телевизора. – Аришка-то замуж выходит! Гляди-ка! Неужто дождалися?

– Поздравляю, дочь! – отец обнял Арину. – А кто жених? Чего не знакомишь?

– Вот я об этом и говорю. Пап, мам... Мой жених с родителями хотят с вами познакомиться... – вид у Арины был совсем обреченный.

– Так пускай приезжают! Милости просим! – улыбнулась мама, а потом нахмурилась и строго посмотрела на отца, который довольно потирал руки и приговаривал: «Повод-то какой, повод! Дочка замуж выходит скоро! Надо отметить».

– Смотри у меня! Много не пей. Я тебя знаю!

А Арина все сидела и думала о том, как пройдет эта встреча. Ведь они такие разные! Между ними пропасть просто! А ну как не понравится родителям Марка ее родня? И не захотят они такую невесту сыну своему? Они-то сами интеллигентные, а ее папа с мамой... ну совсем простые... «Если так, то тогда убежим с Марком и поженимся тайком!» – решила девушка...

– Вы кушайте, кушайте пирожки! Сама пекла! С капустой, с мясом, – Галина Ивановна, улыбаясь, пододвигала гостям блюдо с пирогами.

– Благодарю вас, Галина Ивановна! Вы просто кудесница! – приговаривала Людмила. – Я терпеть не могу кухню и готовку. Всю жизнь маюсь. Видно, на роду мне написано быть такой белоручкой. Я все с наукой больше, химию люблю. А у вас, я вижу, все в руках горит! Раз-два и такая вкуснотища! Очень вы хорошая хозяйка!

– Спасибо вам за добрые слова! – мама Арины густо покраснела. – Иван, отстань от Георгия со своими мормышками! Кому они нужны, ей-богу! – повернулась Галина к мужу, который что-то долго и обстоятельно, а главное, по своему обыкновению, громко, объяснял Георгию.

– Что вы, что вы, Галина Ивановна! Я сам тоже был любителем рыбалки когда-то! А потом наукой занялся, все некогда. А сейчас послушал вашего мужа и решил, что надо бы выбраться как-нибудь на речку, да, Иван Леонидович? Рыбки половить захотелось! – улыбаясь во весь рот, проговорил Георгий.

– Так чего ждать? В этот выходной и поедем! – папа Арины раскраснелся от горячительных напитков, чуб его стал торчком и сам он выглядел залихватски, как обычно и бывало во время принятия им этих напитков.

Мама Арины посмотрела на него укоризненно и покачала головой. Ругаться на него при сватях она не решалась. Просто тихонечко спрятала бутылку с остатками прозрачной жидко-

сти под стол. Они мило беседовали с Людмилой. Оказалось, что им есть о чем поговорить, и они прекрасно поладили. Под конец вечера мама Марка даже записала пару рецептов.

А Марк и Арина сидели рядышком и смотрели только друг на друга. Всякому при одном только взгляде на молодых людей было понятно, что между ними любовь. Видно, на роду им было написано встретиться и быть вместе. И ничего этому помешать не могло, – напрасно Арина беспокоилась...

Я не продам эту квартиру

Софья Марковна положила трубку стационарного телефона и невидящим взглядом уставилась в окно. Слезы сбегали по щекам, щекотали шею и капали на кухонный фартук. Женщина решила испечь праздничный пирог, вот и надела его, ведь сегодня была памятная дата – годовщина свадьбы с любимым мужем Иннокентием. Кеша, милый друг, как не хватало его Софье Марковне. Но судьба распорядилась так, что он ушел раньше. У них была настоящая любовь, всю свою совместную жизнь душа в душу прожили, слова грубого не сказали друг другу. Сына вырастили, казалось, все правильно делали. Воспитывали, старались и не в кого ему плохим-то быть. Да и не плохой он, вроде... Добрый, заботливый. Позвонил вот сегодня маме, спросил, как дела. Но, правда, потом в своем репертуаре, сразу с места в карьер:

– Мам! Мы тут с Наташкой подумали... Надо тебе твою старую квартиру продать, зачем тебе одной такая площадь? А купить однушку где-нибудь на окраине, подешевле, ну а разницы... как раз нам на первый взнос должно хватить, на ипотеку. Наташка на четвертом месяце, тесно ж будет нам, когда малыш родится!

Софья Марковна опешила. «Они подумали!» – как всегда, а ее даже спросить не хотят, так, походя в известность ставят. «Нет. Ни за что! – гневно подумала женщина. – Тут прошла моя молодость, счастливые годы с Кешей... Каждая вещь пропитана добрыми воспоминаниями... Вид из окна... Береза старая... Двор, лавочка, дорожки, кусты, цветы под окном, все это такое родное и знакомое...»

Очень любила свою старую квартиру Софья Марковна, никогда не думала никуда переезжать.

– Мам! Мам! Ты чего молчишь? Нам надо побыстрее все это повернуть. Ты не переживай, мы все сами быстренько оформим, и не заметишь, как на новом месте окажешься!

Софья Марковна молча смотрела в окно. «Вот так. Им надо. А что надо мне? Сына это никогда не интересовало. Захотел – получил. Вот и опять он рассчитывает осуществить задуманное, наплевав на чувства матери, на ее желания и ее мнение. Ничего не изменилось. Он все такой же избалованный мальчик. Игрушки только дороже стали. Но на этот раз с ней этот номер не пройдет», – решила женщина.

– Я не продам эту квартиру.

– Что? Как не продашь? Мама! Ну я же тебе все объяснил, какая ситуация! – раздраженно проговорил сын.

– Ты слышал мой ответ: нет.

Сын бросил трубку. А Софья Марковна сидела на стуле и плакала. Пирог давно пора было вытаскивать из духовки, но было уже не до него. Подошел кот Маркиз, преданно заглянул в глаза и потерся о ногу. Софья Марковна встала, машинально наполнила миску кошачьей едой, Маркиз принялся есть, а она подумала: «С чего это я так расстроилась? А то не знала, каков сынок! Когда-нибудь должно было случиться нечто подобное. Он думает, я ни на что не гожусь и какая, мол, разница, где доживать свой век...»

– Ошибаешься, дорогой, – смахнула злые слезы женщина, – ошибаешься!

Она решительно вынула пирог из духовки и поставила остывать. Потом вытащила дорожную упаковку чая и решила его заварить в честь памятной даты. «Эх, Кешенька, кабы ты был жив, он бы не посмел предложить мне такое! Ну, ничего, прорвемся. Не получит он мою квартиру!»

Рядом с домом Софьи Марковны располагались курсы рисунка и живописи. Как давно она мечтала заняться рисованием! Всякий раз, проходя мимо этого здания, она представляла, что когда-нибудь осуществит свою мечту. Но как-то все некогда было, потом денег жалко, хотя пенсия у женщины была хорошая, но вот рисование, живопись – это несерьезным казалось,

баловством. Но сейчас она подумала: живем один раз! А о себе, о своих желаниях так все и некогда подумать было. И сынок еще! Деньгами-то она ему помогала регулярно. Молодые ведь: то того, то этого хочется, конечно. Софья Марковна всегда все понимала и входила в положение. Полететь к морю – пожалуйста, не вопрос! На телевизор новый добавить – да без проблем. А пора бы уже самим на свои хотелки зарабатывать или аппетиты умерить, – думала женщина, – а для себя-то я пожить и не успела...

Решительно пошла и записалась Софья Марковна на занятия. Обзавелась всем, что было нужно для обучения. Заказала через интернет мольберт, кисти, краски. Все быстро привезли на дом. Женщина чувствовала, что с большим нетерпением ждет первого занятия. Она часто подходила к мольберту, прикасалась к нему рукой, задумчиво перебирала кисти и карандаши, брала в руку палитру. И в эти минуты она ощущала себя как будто совсем молодой. Как будто что-то хорошее вот-вот произойдет, и томительное ожидание рождало трепетное чувство в груди, как в детстве, когда хочется подпрыгнуть и захлопать в ладоши. Но Софья Марковна просто счастливо улыбалась.

...Было немного неловко. В группе она была самая старшая. Но женщина решительно поборолa стеснение и стала прилежно вслушиваться в то, что говорил преподаватель. Первое занятие прошло очень успешно. Все-таки в молодости Софья Марковна рисовала немного, для себя, и кое какие навыки остались. Преподаватель, молодой мужчина, похвалил ее и сказал, что все получается очень неплохо. Воодушевленная она пришла домой и снова принялась рисовать. Занятия проходили раз в неделю, по воскресеньям, а между ними Софья Марковна упорно практиковалась сама. Делала много набросков, рисовала натюрморты и даже однажды решила отправиться в парк на пленэр. Пейзаж получился красивым и жизнеутверждающим.

Три месяца занятий она летала как на крыльях, постоянно думала о том, что бы ей хотелось еще нарисовать, была полна планов и идей. Преподаватель рисования ее очень хвалил и говорил, что она самая прилежная ученица и делает большие успехи. В интернете Софья Марковна подружилась с такими же художниками-любителями, и им было о чем поговорить.

А однажды ей даже довелось участвовать в выставке, которая проходила в городе. Несколько ее работ среди прочих гордо красовались на специальных стендах в выставочном зале. А сама художница видела, что ее работы вызывают интерес у посетителей. Это было невероятно приятно.

Сын, с тех самых пор как завел тот разговор про продажу квартиры, еще пару раз пытался уговорить Софью Марковну на сделку, даже приезжал в гости за этим, но она была непреклонна. Он с удивлением посмотрел на мольберт, который в разложенном виде стоял посреди комнаты, и краски, пожал плечами и сделал вид, что, мол, мать совсем уже того... Но Софья Марковна только усмехнулась и выпроводила сына за дверь.

Пусть теперь сами на свои поездки деньги зарабатывают, а она будет наконец жить своей полной, насыщенной жизнью, так, как хочется ей, а не в угоду другим. И почему-то ей казалось, что если бы с ней рядом был сейчас любимый муж, то поддержал бы ее увлечение и был бы только рад за нее...

Сема

– Ты чего тут сидишь? – спросила Ира.

– Меня мама выставила...

Ирина поднималась по лестнице пятиэтажного дома. Время было уже позднее, десять часов вечера. Она созвонилась с сестрой – нужно было заскочить к ней по делу на минутку. Но прямо на лестничной площадке между четвертым и пятым этажом в трусиках и маечке сидел мальчик. На вид лет семи. Он сидел, сиротливо прижавшись к шершавой, местами облупившейся подъездной стене, и тихо плакал...

– Ээээ... Света... Там мальчик сидит... Чей он? Может, полицию надо? – запинаясь, сказала Ирина, едва переступив порог квартиры сестры.

– А... – махнула рукой Света, – соседский. Привыкли уже. Это у его мамы такие странные методы воспитания. Выставляет ребенка из квартиры, в чем есть, хоть в майке, хоть голышом. И сидит. Бывает, что до позднего вечера, пока о нем не вспомнят. Опять, наверное, наказала за что-то...

– Дикость какая-то... И что? Никак нельзя ему помочь? Я так не могу. Сейчас...

Ира вышла из квартиры сестры и опять спустилась на этаж ниже. Мальчик уже не плакал, а тихо сидел, ежился от холода и немножко дрожал.

– Ты здесь живешь? – спросила Ира, указывая на дверь, обитую красным кожаном.

– Дда... – у мальчика уже стучали зубы от холода.

Ира решительно нажала на звонок. Дверь открыла элегантная дамочка в шелковом халатике. Вся такая ухоженная, аккуратненькая и на вид совершенно нормальная. Ирина ожидала увидеть маргиналку с синюшным лицом и в грязной одежде, поэтому на всякий случай осторожно осведомилась:

– Это ваш ребенок?

Хрупкая миловидная барышня как гаркнет:

– Мой! Чего надо?

– Может, домой его? Холодно вообще-то и поздно... – нерешительно проговорила Ира.

Дамочка разразилась тирадой, которую щедро приправила отборными ругательствами. Она кричала на Ирину и на всех, кто лезет в ее семью и учит, как воспитывать детей, потому что на самом деле она поступает правильно, ведь сын плохо себя ведет и его надо воспитывать, вот и приходится, а что делать, раз он по-другому не понимает. А тут каждый второй ходит и советы раздает. Попробовали бы сами с таким ребенком пожить, сразу бы узнали!

– Может, к психологу его сводить?

– Да что ж это такое! – снова заорала дама. – Водила я уже, ясно?! Не помогает. Он воровством занимается! Опозорил меня перед всеми! Пусть сидит, пока не воспитается!

Дверь с шумом захлопнулась и остались Ира с мальчиком на лестнице одни.

– Ну? Как зовут тебя? И что натворил-то такого ужасного? – спросила Ира мальчика.

– Сема я. Я в холодильник полез, а там икра красная в баночке лежит открытая. А я никогда не пробовал икру! Мне так захотелось хоть немножечко... Ну я и зачерпнул ложкой. А тут мама. Она сказала, что это икра для гостей и есть ее нельзя. А когда пришли гости, все равно оказалось, что нельзя. Я был голодный, сидел в комнате в углу и играл со своими машинками. А они сидели за столом. А потом одна тетя закричала, что у нее кольцо пропало. А я не брал, честное слово! Зачем оно мне? Но все почему-то обвинили меня. Мама заругалась и стала извиняться перед этой тетей, а меня в угол поставили. А потом кольцо нашлось, оно под стол закатилось. А когда гости ушли, меня все равно выставили. Мама сказала, чтобы я подумал. На будущее. И не смел брать чужого...

– Жуть какая... – пробормотала Ира. – А пойдем к нам! Ты совсем замерз и голодный. Идем, посмотришь, какой у тети Светы щенок!

Ира решительно взяла мальчика за руку и повела по лестнице вверх. Сему обернули пледом и, напившись горячего чая с бутербродами, он быстро согрелся. Ел он так жадно и торопливо, будто боялся, что еду вот-вот отнимут. А щенок крутился около ног мальчика и все норовил подпрыгнуть и лизнуть его в руку, отчего Сема заливисто смеялся. Он то и дело отщипывал кусочки от колбасы из своего бутерброда и скармливал щенку...

– Сема! Сема! Да что же это такое! Сема! Батюшки! Ребенок пропал! – с лестничной площадки послышались истошные визгливые женские крики.

Сема изменился в лице. Рука, которой он потянулся, чтобы очередной раз погладить щенка, застыла в воздухе. Ира и Света переглянулись.

Тут у Ирины в кармане зазвонил сотовый. Это был ее муж, Сергей. Он звонил, чтобы сказать, что волнуется, куда пропала жена, сам он возвращался с работы и решил пойти ей навстречу к дому сестры, чтобы встретить. А Сергей работал в полиции, и сегодня, по случаю приезда в отделение высшего начальства, на нем даже была полицейская форма, поэтому у Ирины в голове быстро созрел план...

Женщина, которая искала ребенка, спустилась на первый этаж, не переставая звать Сему. И тут прямо перед ней открылась дверь подъезда.

– Полиция! Это что у вас тут творится? – Сергей показал удостоверение и решительно шагнул в дверь.

Женщина опешила, попятилась, потом кокетливо поправила короткий шелковый халатик и, быстро придя в себя, сказала:

– Я вас еще не вызывала! Но очень хорошо, что вы пришли! Ребенок пропал у меня! Скорее найдите его.

– Как такое могло произойти? – участливо спросил Сергей. – Давайте поднимемся к вам в квартиру, и вы мне все подробно расскажете. Он ушел гулять и не вернулся? Где вы его видели в последний раз?

– Эээ... он... того... на лестнице сидел. А теперь нету, – у дамочки забегали глаза.

– Что значит на лестнице?! – грозно повысил голос Сергей. – Не май месяц! Вы что? Ребенка одного за дверь выставили?

Тем временем они поднялись до четвертого этажа и увидели Сему, преспокойно сидящего на той же самой ступеньке снова в одной маечке.

– Ой! – дамочка остановилась как вкопанная. – Его же не было!

– Вы не рады, что ребенок нашелся? А он вообще пропадал? – Сергей подозрительно прищурился. – Что тут, черт возьми, творится?! Придется вызывать органы опеки! Соседи давно сигнализируют, что вы бросаете сына на лестнице одного, что он без верхней одежды подолгу находится в холодном помещении! Гражданочка! Это не шутки уже. Есть свидетели. Если еще раз такое повторится...

– Не повторится, нет, честное слово! Может, он и не пропадал вовсе, а мне померещилось. Да и не сидел он на лестнице! Вот. Придумали все злые соседи. Со свету сжить меня хотят!

– Так пропадал ребенок или нет?! Может, вам к психиатру сходить? Так. Справку, значит, принесете в полицию о том, что вменяемы. Я позвоню, проверю. А то ребенок в опасности находится, я смотрю. Не дело это. И сейчас вы мне покажете, в каких он живет условиях. Есть ли у него кровать, стол, он ведь школьник? И как питается. Может, вы его голодом морите?

Тем временем они вошли в квартиру и остановились в коридоре. Дамочка ошарашено кивала головой, прижимая к себе Сему, у которого губы предательски блестели от только что съеденной жирной колбасы.

– Ага. Школьник. Все есть. Все. И еды полно. И кормлю. Хотите – смотрите. А ребенка я вам не отдам. Мой он.

– И все же некоторое время за вами будут наблюдать органы опеки. Так что смотрите у меня! Всего хорошего, – сказал Сергей и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Молодец, Серега! – улыбнулась Ира мужу, когда тот поднялся в квартиру сестры.

– Да уж. Напугал ты ее. Может, подействует. В самом деле, жалко ребенка-то! – покачала головой Света.

Соседка и впрямь стала вести себя тихо и мальчика в подъезд больше не выставляла. А через некоторое время она внезапно вышла замуж и у Семы появился отец. По всему видно, что мужчина он оказался положительный, хороший, и они с приемным сыном ладили. Соседи часто видят их вместе, то с воздушным змеем в руках, то с велосипедами...

Вон из моего дома

- Вот мы и встретились, Эльвира Степановна, – сказала Наташа и устало потерла глаза.
- Деточка... Наташенька... – начала пожилая женщина и тихо заплакала.

...Сын у Эльвиры Степановны вырос красавцем. Половина их небольшого городка знала и саму Эльвиру, и ее сына. Она была учителем начальных классов в местной школе, а мать Эльвиры, Галину Дмитриевну, так вообще весь город знал. Потому что была она директором той школы когда-то. Но подвело здоровье. Эльвира лишилась матери, когда ей было двадцать. Училась она в педагогическом, мечтала, как мама, учить детей. Директором вместо Галины Дмитриевны стал важный, представительный мужчина из области. Много разных реформ задумал он в школе и начал было воплощать, но его быстро перевели в гороно, потому что на месте директора школы он и не смотрелся даже. Ему нужно было широкое поле деятельности. Вот и заметили его и продвинули по карьерной лестнице. А пока директором стала Зинаида Михайловна, учитель химии: представительная дама почтенного возраста, которая знала и помнила многие поколения и директоров, и учеников этой школы. К ней и пришла устраиваться на работу молоденькая Эльвирочка после окончания института.

Там же, в школе, Эльвира встретила своего будущего мужа. Учитель биологии, симпатичный веселый мужчина, на которого вся незамужняя часть женского коллектива школы тотчас же «положила глаз». Но он выбрал яркую девушку Эльвиру. Строгую, с пышной копной каштановых волос, которую в стенах школы девушка собирала в аккуратный пучок. Но вне школы она их распускала и выглядела словно фотомодель с обложки журнала.

Поженились. Через три года родился сын, Семен. Но злой рок, который преследовал их семью, рано забрал у Эльвиры мужа, а у Семена отца. Она не верила в рассказы своей прабабушки. И думала, что уж у нее-то такого не случится ни за что. Однако случилось.

Все женщины в их семье рано теряли мужей. Якобы когда-то в их семье дочь выдали замуж против ее воли, по расчету. Девушка Марфа была своенравная, гордая и непокорная. Она противилась воле родителей и хотела выйти замуж только по любви, мечтала об этом. Но судьба девушки была давно predetermined. Каким-то образом Марфу все же уговорили выйти замуж. Полюбить своего мужа она не смогла. Он оказался грубым, злым человеком, много старше ее. Обижал жену и бил. Родилась в том браке дочь, Василиса. И ее стал бить отец. Уж такого не могла стерпеть Марфа и задумала она плохое. Напоила мужа и отправила в баню. А сама гулять пошла с доченькой. Гуляли они, а потом смотрят, люди бегут, кричат, де, мол, баня дотла сгорела у тебя, Марфа. И вдова ты теперь. Марфа для вида поубивалась немного, да и зажили они потом с Василисушкой спокойно. Дело это быстро закрыли: никаких следов преступления не обнаружили. Видимо, по-умному Марфа все обставила. И люди поверили в несчастный случай – Марфа была положительная, благочестивая женщина. Не поверила только старая Марфина свекровь. Уж она убивалась по сыну, горевала, называла Марфу душегубкой и прокляла весь Марфин род до седьмого колена. Марфа смеялась над ней и не верила в проклятия, выгнала старую женщину за дверь и не пускала больше. Однако с тех пор так и повелось в их роду: мужья не доживали до старости...

Растила Эльвира Семена одна. Так и не вышла больше замуж, хотя предложения поступали. Но, видно, одного только мужа своего могла любить Эльвира, никто другой ей не нужен был. Все женщины в их семье были такими: об этом тоже что-то говорила прабабушка...

Пришла пора Семену жениться. Конечно же, Эльвира Степановна уже пыталась распланировать его будущую жизнь и у нее на примете была пара достойных кандидаток. Но Семен привел в дом Наташу: простую, как две копейки, медсестру, плюс немного старше себя. Люблю, говорит, женюсь. Эльвира Степановна «в штыки» приняла новость: «Только посмей!» – заявила она сыну, переходя на высокие ноты так, что зазвенели подвески на чеш-

ской люстре. Голос у нее был поставлен хорошо: все-таки столько лет учителем проработала! А пытающейся было вставить хоть пару слов Наташе она ответила:

– А тебя я знать не знаю, и знать не желаю! Вон из моего дома! Вон!!!

Девушка заплакала, а Семен ненавидящим взглядом посмотрел на мать и заявил, что уйдет вместе с ней. И ушел.

По своим каналам Эльвира Степановна навела справки о Наташе. Новости ее не порадовали: беднота, голь перекатная. Мать и отец – простые люди, работают с утра до ночи, а из бедности никогда не вылезали. Наташа у них старшая дочь, еще две младшие есть. Недавно она бросила учебу в медицинском институте в соседнем городе, потому что пришлось пойти работать, когда у родителей совсем с деньгами плохо стало – отец ногу сломал, работать не мог. Сейчас работает в поликлинике медсестрой.

Поселились молодые сначала у старенькой бабушки Наташи, Ефросиньи Петровны, в частном домишке на краю городка. Отопление печное, огород, туалет на улице. Эльвира Степановна полагала, что сына надолго не хватит жить в таких условиях. А нет. Видно, и правда, любовь была между ними.

Бабулечка скоро слегла совсем, и Наташа за ней ухаживала, а через некоторое время остались они в избушке этой вдвоем с Семеном. Родилась дочка у них, Марина. Наташа ловко управлялась по хозяйству и все у них было ладно да гладко. Семен много работал. И время от времени нет-нет, да и слышал, какие сплетни распускает о Наташе его мать. Что ленивая, что не годная и что, наверное, ведьма. Потому что заколдовала сына, окрутила, заставила бросить все, и теперь он живет с ней в грязи, голодный и несчастный. Она не готовит ничего, не убирает, а его опаивает чем-то, чтобы не бросил он ее и продолжал с нелюбимой жить. И ребенка обманом родила она, чтобы покрепче к себе привязать.

Семен молчал, на такие сплетни не реагировал никак. Но мать не унималась. Ведь знакомых у нее было, почитай, весь городок их небольшой. Кто-то сам у нее учился, кто-то уже и детей своих привел. И каждому она про Наташу гадости нашептывала.

Вышла Наташа на работу, как подросла немного Марина. Тогда еще хуже стало. Наташа прямо чувствовала, что за ее спиной шепчутся и на нее косятся. А иногда и в открытую посмеиваются. Что дочка у нее растет «чудная» и, наверное, «того», потому что не похожа на остальных, молчаливая какая-то, с детьми не играет, не шалит, а все книжки разглядывает. Наверное, Наташка и ей какие-то зелья дает, чтобы она такая росла. И дома у нее грязь, печка черная, окна не мытые. Мариночке тоже досталось. Побили ее однажды дети в детском саду. А она тоже побилла кулаками детей, когда те обозвали маму ведьмой, а ее саму – ведьминым отродьем.

Так и закрепилась за Наташей обидная кличка «ведьма». Все сходилась: жила на краю города, у леса, молчаливая, смурная, травки собирала.

Наталья и правда любила травы собирать. И медицину любила. Мечтала восстановиться в институте, доучиться и врачом стать. Домик бабушкин они с Семеном подремонтировали, забор хороший поставили, колодец новый вырыли. А потом взяли и в соседний город уехали. Стали квартиру снимать: Семену предложили там место хорошее. Он на заводе отличным токарем был, на месте обучился. С тех пор, как ушли они от Эльвиры Степановны с Наташей, стал Семен работу искать. В институт не поступил, а в армию его не взяли: плоскостопие. Явился на завод, взяли учеником токаря, так и пошло. А у него талант к этому делу обнаружился, просто золотые руки. Даже не хотели его отпускать с завода, да знакомый пообещал ему еще больше платить. Он хотел частную фирму открыть, вот и сманивал специалистов.

Так и переехали в большой город. А домик свой со временем продали. Нашлась семейная пара, желающая его купить, он ведь добротный был, хороший.

С Эльвирой Степановной так и не общались.

Та частная фирма знакомого разорилась, дело не выгорело. Семен поискал-поискал место, да быстро нашел, хорошо устроился. На другой завод, оборонного назначения. А Наташа

исполнила свою мечту – восстановилась в медицинском институте, ведь доучиться ей всего ничего оставалось. Мариночка росла хорошей, толковой девочкой, тоже мечтала, когда вырастет, врачом стать, как мама.

– Вам надо ехать в областную больницу на консультацию. Здесь таких специалистов нет, – сказала врач и стала выписывать направление. – Идите в регистратуру, поставьте печать. Все. Потом ко мне опять придете, будем думать с вами.

Эльвира Степановна брела по коридору поликлиники, еле переставляя ноги. «Странный врач. Почему нельзя здесь, на месте все проверить? Зачем куда-то ехать?! – негодовала она. – Да и вообще, зачем все это? Намучилась уже. Не поеду. Чему быть – того не миновать. Буду пить свои таблетки, как и раньше. И ждать конца».

Совсем расстроилась Эльвира Степановна, заплакала. И когда она достала свой номерок, чтобы взять из гардероба куртку, ее заметила та врач:

– Поставили печать? – строго спросила она, сверкнув стеклами очков.

Эльвира Степановна отрицательно замотала головой, не в силах ничего сказать.

– А чего так? Ну-ка...

Врач взяла из рук пожилой женщины бумажку и решительно шагнула за дверь регистратуры:

– Девочки! Тут мне нужно...

Эльвира Степановна бессильно опустилась на мягкий пуфик, который стоял в холле поликлиники.

– Вот! Обязательно езжайте! Там, говорят, хорошие специалисты, проверят все, разберутся! – через пару минут врач вручила Эльвире бумажку с печатями.

– Невозможно, как долго принимает врач! – посетовала полная женщина, обдуваясь и обмахиваясь толстой папкой с разными медицинскими документами. – Ну и жарыща, духота...

– Да вроде как быстро было, – ответила маленькая аккуратненькая старушка, которая тоже сидела в очереди. – Это вот та женщина зашла и застряла прямо! Полчаса, наверное, уже не выходит...

В кабинете сидела Эльвира Степановна, а напротив нее – Наташа. Вернее, Наталья Романовна, врач, специалист. Эльвира плакала.

Наташа сразу ее узнала. Эльвира была все такая же статная и красивая, только постарела сильно. Да и что ж, уже почтенный возраст – семьдесят семь лет ей было. А болезнь у нее оказалась не опасная. Наташа хорошо разбиралась в этом. Но то, что она приехала, проконсультировалась, – это хорошо. Назначила ей Наталья лечение, но Эльвира не спешила уходить. Она плакала и очень просила простить ее.

– Эльвира Степановна! Здесь не место для разговоров, меня ждут пациенты! Да и не за что мне вас прощать, все в прошлом. Это было так давно, что быльем поросло. А внуки... Все хорошо с ними, живем, не жалуемся. Да. Маришка школу закончила, поступила, Сережа учится еще. Семен на заводе работает, шестой разряд получил. Денег у нас хватает. Вы идите себе, лечитесь...

– Понятно... – тихо сказала Эльвира Степановна и поднялась со стула. – Я бы тоже не простила...

– Наташ, жалко ее... Все-таки мать... – проговорил Семен вечером, обнимая жену за плечи. Наташа рассказала ему, как Эльвира Степановна приезжала сегодня к ней на консультацию.

– А ей было нас не жалко? Зачем она сплетни распускала? Мстила? Чего она хотела добиться? Жизнь нам испортить? Как так можно, а? Ты ведь сын ей родной.

Семен ничего не ответил, только вздохнул и взял в руку пульт от телевизора. С Наташей он нашел свое счастье и ни о чем не жалел. Она родила ему двух чудесных детей, она прекрас-

ная жена и мать. А его мать... Ну, это ее выбор. Ведь она сама выгнала их. Точнее, Наташу. А он просто ушел вместе с ней. Как было ее бросить?

– Бабушка, а это кто? Ты, что ли? Красавица какая! – Маришка разглядывала старый альбом и, улыбаясь, переворачивала желтые страницы.

Вот уже три раза она приезжала к Эльвире Степановне в гости. После института садилась на автобус и через час была на месте. В тот вечер она слышала разговор родителей. Она давно задавалась вопросом, где бабушка и как она живет. Мама всегда отвечала, что бабушка живет в другом городе и видеть их не хочет. Маришка не понимала, отчего так? А мама не любила говорить на эту тему.

Девушка на следующий день отыскала среди старых писем и документов адрес бабушки и отправилась к ней, ничего никому не сказав.

Пожилая женщина была очень рада внучке. Они обнялись и потом пили на кухне чай. А потом долго разглядывали семейный альбом. Маришке безумно нравилось все это, она была убеждена, что каждый человек обязан знать свои корни, своих предков. И этот семейный альбом многое для нее открыл...

Врачом она быть давно передумала и поступила на филологический факультет. Эльвира Степановна была рада за внучку, она любовалась ею и с улыбкой слушала, как умно та рассуждает. «Молодец, девочка! – все повторяла она. – А как на Семена похожа...»

– Мам, пап! У меня сюрприз!

– Маришка! Где тебя носит?! Мы ждем, за стол не садимся, обещала же, что к трем вернешься! И куда моталась? Что за секреты? – мама вышла в прихожую и набросилась на Маришку с вопросами.

У Натальи был день рождения. В большой комнате стоял стол с угощениями и четыре стула вокруг него.

– Мам! А у нас есть еще один стул? – заглянула в комнату Маришка.

Эльвира Степановна стояла за дверью квартиры на лестничной площадке и ужасно смущалась. Глупо как-то, по-детски... И зачем она повелась на уговоры Маришки и поехала с ней?

– Все, ухожу, – решила Эльвира, но тут приоткрылась дверь и высунулась Маришкина голова:

– Заходи, бабуль! – произнесла она заговорщическим шепотом.

– Мама?! – Семен был изумлен, когда увидел Эльвиру Степановну, робко снимающую обувь в коридоре.

– Что там у вас? Мы за стол сегодня сядем или нет? – спросила Наташа из кухни, нарезаая хлеб и выкладывая его на тарелку. – И при чем тут пятый стул, Маришка?

– Знакомься, Сережка! Это твоя бабушка. Правда, классная? – сказала Маришка брату и подмигнула. – Она бывший учитель! А ну!!! Показывай свои тройки!

Маришка шутя надвигалась на брата, угрожающе подняв руки и выпучив глаза.

– Бывших учителей не бывает, – улыбнулась Наташа, входя в прихожую и вытирая руки о кухонное полотенце.

– И бывших врачей тоже, – произнесла Эльвира Степановна и обняла невестку.

– Может... все-таки за стол сядем? – спросил, наконец, Семен, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Пауза затянулась. Каждый думал о своем. И только на кухне тихо тикали часы, а за окном шумела проезжающая электричка.

Пятый стул принесли из кухни, и тарелку, и вилку тоже. Сначала Эльвира Степановна чувствовала небольшую неловкость, но потом понемногу расслабилась. Они с Маришкой заранее обговорили, выбрали и купили Наташе подарок – серебряный кулон, и он ей очень понравился.

– Ну, Маришка! Ну, учудила! Помирить нас вздумала! – все повторял отец.

– А то! – хорохорилась девушка. – Так нельзя! Живем рядом и не общаемся. Это же глупо! И надо знать свои корни, своих предков, поддерживать родственные отношения, но... это я уже говорила... Таак! Что тут у нас? Бекончик, колбаска... Сережка! Ты всю красную рыбу съел, оставь сестре хоть чего-нибудь! – Маришка потирала руки и смотрела на стол, выбирая, что бы положить себе на тарелку.

Эльвира Степановна улыбалась, глядя на Маришку, а в глазах ее снова заблестели слезы. Наташа заметила это, тепло улыбнулась и ободряюще положила ладонь на ее сухонькую ручку. И покивала головой: ничего, мол, все же хорошо!

Она больше не обижалась и не сердилась на пожилую женщину. Какой в этом смысл? Все уже в прошлом.

Родственнички

– Во, люди живут, а! – восторгалась золовка Татьяна, хлопая дверьми. – Ах, как богато! Ванная огромная, холл, туалет! На кухне можно танцы устраивать – до того большая...

– Да уж, – буркнула, насупив брови, свекровь, Клара Степановна, – только у нерадивой хозяйки все не впрок. Эх, Ирка... Грязищу-то какую развела! И за что моему мальчику такое мученье?

Ирка – это жена сына Клары Степановны, Бориса. Они недавно поженились. Обоим по тридцать два года. Встретились, полюбили друг друга. Ирина тогда жила одна в однокомнатной уютной квартире, которую ей помогли приобрести родители.

С родителями они жили в просторной трешке в хорошем районе. Когда дети – Ирина и ее старший брат – выросли, родители поднакопили денег и затеяли «великое переселение». Свою большую квартиру они продали, детям купили по однокомнатной, а сами в деревню съехали.

Отец Иры давно мечтал жить ближе к природе, в городе ему было душно. Огород, хозяйство – это была его мечта. Даже в городе он постоянно выращивал на подоконнике огурцы, помидоры, а на балконе однажды все лето жили перепелки в большой клетке. Ира тогда еще маленькая была, но помнила, как забавно было есть маленькие пестрые яички и какие они были вкусные!

По осени вместе с отцом и братом они часто собирали плоды каштанов и маньчжурского ореха, а потом закапывали их в лесу и во дворе – сажали деревья. А иногда и не во дворе, а прямо дома, в большом горшке растили, а потом высаживали. А еще в углу комнаты стояло мандариновое дерево, которое было выращено из косточки и быстро вымахало под самый потолок. Оно было совершенно дикое, никакую обрезку и формирование кроны не принимало, перло только вверх, как на дрожжах, никаких мандаринов на нем отродясь не бывало, и маленькая Ирина, глядя на него, вспоминала сказку про петушка и чудо-меленку, которую ей читала мама. Девочка все ждала, когда же папа прорубит потолок, а потом крышу, а потом деревце дорастет до самого неба и по нему можно будет забраться высоко, до самых облаков.

Мама только вздыхала, видя, как муж и дети в очередной раз собираются проводить экспериментальные посадки. Даже в просторной квартире ставить их было уже некуда. Однако они с отцом очень любили друг друга и на почве садоводства никогда не ругались. Они вообще не ругались, а жили душа в душу.

Переехав за город, отец наконец-то исполнил свою мечту и принялся упоенно заниматься огородничеством и садоводством. И кур завел. И гусей, и уток. А для супруги роскошную клумбу разбил, потому как та цветы очень любит. Ирина и брат часто навещали родителей, а погостив, всегда уезжали, нагруженные свежей зеленью с огорода, тепличными огурчиками и деревенскими яйцами...

Ни Ирина, ни брат долго не могли создать семью. Как-то не складывалось, а потом Ира встретила Бориса. Он приехал в город на заработки, жил на съемной квартире, усердно работал, копил на свою жилплощадь. С Ирой познакомились случайно, в автобусе, по дороге на работу. Он отличный специалист по настройке какого-то сложного оборудования. Какого? Ирина в этом ничего не смыслила и потому не вдавалась в подробности. Зарабатывал он хорошо и был, что называется, нарасхват.

Поженились они по-тихому. Пышной свадьбы не устраивали и родственников не приглашали. Ириныны отец с матерью не могли надолго бросить хозяйство, поэтому в город на свадьбу не поехали – далеко, а про своих родственников Борис как-то уклончиво сказал, что, мол, потом как-нибудь в гости к ним съездим и познакомимся. Не стоит, мол, торопиться.

Родственники не одобряли его переезд в город, хоть Борис и помогал им деньгами, добросовестно каждый месяц переводил матери хорошую сумму, однако та не могла забыть, как

он заявил, что, дескать, в глуши с ними жить не хочет, хочет в люди выбиться, денег заработать, квартиру сам купить. Все попрекала сына, что тот загордился, уехал и мать бросил.

Отец с ними не жил. Только мать и сестра Татьяна на десять лет старше Бориса. Замуж не вышла, и Борис полагал, что вряд ли выйдет. С ее скверным характером, наглостью и дурацкой привычкой лепить правду в глаза, какая бы она ни была, ей трудно было найти себе пару. Да и в кого ей быть другой? Татьяна – точная копия матери. Та тоже отца вечно пилила почему зря, житья не давала, и он в конце концов не выдержал, ушел, бросив семью. Правда с детьми виделся, и у Бориса о нем остались самые теплые воспоминания.

И вот сейчас мать вместе с Татьяной неожиданно нагрянули к ним в гости.

Хотя почему неожиданно? Вполне себе ожидаемо. Накануне созванивались. Было сказано, что они приедут в воскресенье утром. Ирина все распланировала: поход по магазинам, уборку и приготовление праздничных угощений. Ведь родственников мужа она видела впервые. Хотела навести дома идеальный порядок, угостить, не ударить в грязь лицом, укрепить родственные связи, все, как у приличных людей.

Родственники приехали в пятницу поздним вечером.

Ирина уже успела переодеться в симпатичный комплект для сна, расстелить кровать, как вдруг звонок домофона разорвал тишину. Муж поднял трубку и сообщил, что приехали гости дорогие...

Когда Борис открыл дверь, то увидел улыбающуюся мать и сестру. Кроме обшарпанного чемодана, Татьяна держала сумочку, из которой выглядывала мордочка крохотной собачки. О том, что с ними будут животные, Ирина узнала только сейчас. Она заметалась по квартире в попытке навести минимальный порядок. Уборка планировалась на завтра. Готовка тоже. В холодильнике скучала пара кастрюль с едой, пачка сосисок и десяток яиц.

Первым делом из сумочки выскочила собачка и понеслась по квартире, оглашая ее визгливым лаем.

Пройдясь по коридору, заглянув в ванную, туалет и кладовку, свекровь и золовка чинно уселись на диван и принялись рассказывать о том, какие трудности они преодолели, чтобы сюда приехать. И как они намучились в поездке, и какие злые люди им попадались в дороге, и что они очень голодны и устали, и еще много всяких жалоб...

– Нерадушный прием нам оказали, верно, Тань? – изрекла, наконец, Клара Степановна. – Гостей полагается накормить с дороги. А мы тут уже полчаса сидим, лясы точим. А спать где мы будем? Почему вы не предупредили, что квартира однокомнатная?

О том, что приехали на два дня раньше и тоже не предупредили, родственнички как-то забыли. Ирину так и тянуло высказать этой наглой парочке, что, мол, если им не нравится, то они могут отправляться на все четыре стороны, их никто не держит. И если уж они решили приехать раньше, то могли бы предварительно позвонить, а не сваливаться как снег на голову поздним вечером и портить настроение своими бестактными высказываниями, и вообще... Но муж умоляюще посмотрел на Ирину, и она промолчала.

– Яичница?! Разве так встречают гостей? – Клара Степановна скривилась, но, видимо, голод все же перевесил, и она довольно бодро опустошила тарелку. Татьяна не отставала:

– Ангидрид твою перекуси марганца! – заявила женщина, отодвинув пустую тарелку. – Я не наелась. А еще что-нибудь есть?

Борис налил гостям чаю и нарезал бутерброды.

Потом, утерев жирные губы, они огляделись по сторонам и принялись, совершенно не стесняясь хозяев, обсуждать интерьер.

– Кухня большая, мне нравится! Но обои безвкусно подобраны. И полку я бы не стала здесь вешать. Холодильник в угол нужно поставить, а то неудобно. А стол овальный надо, как в лучших домах. Хоть он и большой, да место-то вона сколько, хоть пляши, – заявила Татьяна.

– А главное, убираться надо почаще, – назидательно добавила свекровь, – а то, что это? Грязи тут – скобелем скрести можно! И шторы новые купите, побогаче. Эти выбросьте. Вы ж нормально зарабатываете!

Ирина снова набрала воздуха в легкие, дабы высказать все этим, с позволения сказать, гостям, но муж опередил ее и заявил, что уже поздно и пора спать.

Все засуетились и стали думать, как устроить ночлег. Ира, честно сказать, наивно рассчитывала, что они приедут одним днем, и ни о каких ночевках не думала. Но ее ждало разочарование. Родственники решили устроить культурную программу и погулять по городу несколько дней.

Борис принес из кладовки надувной матрас, увидев который, свекровь ахнула и опустилась на стульчик, заботливо подставленный Ирой.

– Гостей?! В кухне на надувном матрасе спать укладывать?! Да это же... Да просто...

– Мама! Он очень удобный, – заверил Борис и стал двигать стол, чтобы освободить место.

А Ира в очередной раз подумала, что наглость родственников переходит все границы. Она испытала острое желание взять веник и вымести их куда подальше. Но тут все вспомнили про собачку, потому что Борис сильно поскользнулся на луже, которую та, пока все были заняты, бесцеремонно наделала в коридоре, и чуть было не упал. Свекровь прижала дрожащую псинку к себе и стала сюсюкать:

– Ах ты, моя маленькая! Испугалась, бедняжка. Все новое, незнакомое. Иди к мамочке, иди...

Ирина вдохнула и пошла за тряпкой. Лужу вытерли, постель постелили, кое-как разместились и улеглись.

Наутро Ира проснулась от того, что свекровь громко открыла дверь их с Борисом спальни и по-хозяйски прошла в комнату. За ней стремительно пронеслась собачонка и принялась грызть Ирины новые розовые тапки, которые стояли около кровати. Клара Степановна раздвинула шторы и заявила:

– День белый! Сколько можно спать? Гости голодные сидят, а хозяйева дрыхнут.

– Ангидрид твою перекись марганца! В холодильнике пусто! – послышался из кухни голос Татьяны.

– Да. Мы не хотели вас будить. Хотели сами как-нибудь уж. А у вас и есть-то нечего. Как вы собирались гостей встречать? – продолжила свекровь.

Муж буквально выскочил из-под одеяла, скатился с кровати, быстро оделся и отправился в магазин покупать разносолы.

В холодильнике было отнюдь не пусто. Просто, по-видимому, свекровь и золовка не захотели есть пюре с котлетой и свортели нос от плова с курицей, который приготовила Ира день назад. По-видимому, они рассчитывали на более изысканное угощение...

И это странное ругательство, которое повторяла Татьяна, просто выводило Иру из себя. «Чем ей не угодил эта перекись марганца? – со злостью думала женщина, пытаясь одновременно переодеться и застелить кровать, после того как свекровь бесцеремонно вторглась в их спальню. – Ах, да! Борис же говорил, что она химию в школе преподает, понятно тогда...»

– У вас что? Телевизор не работает на кухне? – в дверь снова просунулась кудлатая голова свекрови. – Хотела новости посмотреть!

– А полотенца гостям не положены? Где взять свежие? Этими мы уже вчера вытирались! – заявила из-за ее спины Татьяна. – И надо лужу вытереть, Жужа опять там, в коридоре, наделала!

Ирина беспомощно оглянулась. В квартире царил бардак. Да такой, какого не было со времен ремонта. Собачонка бешено носилась по полу и без конца лаяла, делая перерывы лишь для того, чтобы попробовать на зуб все, что попадалось ей на пути. Свекровь, облаченная

в голубой шелковый халат, расписанный павлинами, стояла перед шкафом и копалась в ее вещах. Татьяна чем-то гремела на кухне.

– Что за бардак! Ничего не найти! – восклицала Клара Степановна. – В шкафу все вверх дном! А тряпок! Мама дорогая! Сколько же ты на них денег тратишь? Неужели они все нужны?

Ирина молчала-молчала, а потом сжала кулаки да как крикнет так, что на люстре задрожали подвески:

– Хватит! Вы в моем доме находитесь! В гостях. И будьте добры проявлять любезность и уважение! А не нравится, так скатертью дорога! Поняли?!

В этот момент из магазина нагруженный пакетами с угощениями вернулся Борис. Увидев жену в таком состоянии, он не на шутку испугался. Оценив обстановку, он разрешил ситуацию по-своему. Аккуратно, но уверенно вытолкнул маму из спальни, Ирину же заботливо усадил на кресло, дал в руки пульт от телевизора и тихо прикрыл дверь. Она так и просидела следующие два часа, бездумно переключая каналы. Сначала слышала за дверью шумение, возню и то, как недовольно бубнит свекровь. Ей вторила Татьяна, всякий раз добавляя свою фирменную фразочку про перекинь марганца. Потом хлопнула входная дверь и все стихло. Через некоторое время вернулся муж и сообщил, что родственниц благополучно разместил в гостинице, правда, пришлось потратиться, но оно того стоило.

Потом они пошли на кухню и устроили себе праздник. А что? Торт уже куплен, почему бы не отметить благополучное избавление от докучливых гостей?

Потом они вместе убрали. После родственниц в квартире как будто Мамай прошел. Они все перерыли, везде сунули свой нос, и их суперактивная собачка нанесла ощутимый урон шторам и мебели...

А в следующий выходной Борис и Ирина отправились в гости в деревню к родителям Иры – те очень хотели поздравить их с бракосочетанием. Вот, где они отдохнули душой! Посидели за столом, погода была хорошая, и стол накрыли прямо в саду. Пожарили мясо на костре, сходили на речку, половили рыбу. Мама Ирины напекла пирогов, и они уехали румяные и довольные! Ирина всю обратную дорогу думала о том, какие же у нее хорошие родители и как же она их любит!

А Клару Степановну с Татьяной решили теперь только в гостиницу селить, если что. Пусть там своими претензиями мучают обслуживающий персонал, тем, по крайней мере, за это деньги платят...

Ненужная

– Лера! Закрой дверь в комнату, твой сын так шумит, что голова разболелась! – недовольно произнесла мать.

Она все время была недовольна. С тех самых пор, как ее тридцатилетняя дочь Лера развелась с мужем и со своим четырехлетним сыном вынуждена была переехать жить к ней.

Лера тихонько прикрыла дверь и подошла к сыну.

– Тише, зайка! Видишь, бабушка ругается. Машинка ведь необязательно должна так гудеть, – улыбнулась она и поцеловала малыша в макушку. Тот протянул ручки и обнял маму.

На душе у Леры было тяжело. Мама... Кто бы мог подумать, что так будет!

...Давно, когда еще был жив Лерин отец, они все вместе жили в трехкомнатной квартире. Потом, когда его не стало, трешку продали, а деньги разделили между родственниками. Так вышло. Лера тогда еще мало что понимала в этих вопросах, но помнила большой скандал. Оказалось, что квартира та не принадлежала родителям целиком, в ней были доли трех братьев отца. Те потребовали разделить имущество, желая получить свои деньги. При Лерином отце этот разговор никто не решался заводить, а как случилось несчастье, так и набежали братья. Лера тогда как раз закончила школу, поступила в институт и переехала жить в общежитие, а мать, Тамара Васильевна, ушла жить к своему восьмидесятилетнему отцу.

Потом, много позднее, она стала владелицей отцовской двухкомнатной квартиры, а Лера в то время уже жила с мужем. И казалось, что все было хорошо. Но совместная жизнь не сложилась. Они развелись, когда их маленькому сыночку едва исполнилось четыре года. Лера пришла к матери. Больше ей идти было некуда. Прописана она была в деревне, в дряхлом домике, оставшемся от старенькой прабабушки. Снимать квартиру она не могла – старалась накопить на свою жилплощадь. На первый взнос денег почти хватало, оставалось чуть-чуть поднапрячься, подзаработать, и можно было брать ипотеку. И на это время Лера решила попроситься жить к матери.

Тамара Васильевна согласилась. Но поставила жесткое условие, что пускает их только на время.

Было очень трудно. Маленький Дима часто болел, Лера то и дело сидела на больничном, а мама наотрез отказывалась помогать.

– Я тебя вырастила сама, никто мне не помогал, бабушек, дедушек рядом не было, крутилась как могла, вот и ты справишься, – поучала она, отправляясь на очередное свидание.

Мама активно пыталась устроить личную жизнь. С тех пор, как отца не стало, она два раза уже выходила замуж. И оба неудачно.

А Лера хваталась за любую работу, и дома тоже все было на ней. Она убирала в квартире, покупала продукты и готовила. Хоть она и старалась, но Тамара Васильевна все равно была недовольна и постоянно раздражалась.

– У тебя все блюда какие-то пресные, – говорила мать, отодвигая пустую тарелку, – так ты и не научилась готовить. Вот муж и бросил тебя. Кому ж понравится такая еда? Ешь, словно траву жуешь.

Лера молчала. Дима сидел на стульчике и, весело болтая ножками, доедал картофельное пюре. Аппетит у него был хороший, да и вообще мальчик был послушный и проблем не доставлял. Он вылез из-за стола и отправился снова играть со своими машинками. Лера молча встала и начала мыть посуду.

– Надо ту игрушечную машину большую спрятать куда-нибудь, – тихонько сказала мама Лере, когда малыш вышел из кухни, – а то когда он ее возит по полу, я все время боюсь, что она своими колесами паркет поцарапает. Да и грохоту от нее! А что? Ничего страшного. Поищет-поищет, поплачет немного, да забудет потом. Дурацкий подарок, неудачный.

Это была самая любимая машина маленького Димы. Лера купила ему ее на день рождения, и с тех пор малыш с ней не расставался. Но мама больше беспокоилась об имуществе, чем о внуке. Лера уже ничему не удивлялась.

Так и жили. Мама постоянно подкалывала дочь и всем своим видом демонстрировала, что они с Димой ей в тягость. Лера молчала и терпела. Куда было деваться? Хотя она не думала, что окажется такой ненужной для собственной матери. Ненужной и лишней в ее жизни.

– Все, милочка моя. Пора и честь знать, – объявила однажды Тамара Васильевна за ужином. Лера пришла в тот день пораньше и успела запечь мясо. Получилось очень вкусно, но мама, как обычно, молча съела и ничего не сказала, говорила она лишь тогда, когда, по ее мнению, было не вкусно. – Я и так долго терпела. Помогала тебе. Но больше не могу. Мы с Виктором собираемся пожениться. Жить будем здесь. Хоть квартира моя и двухкомнатная, да тесно нам вместе с вами будет. И Дима твой уж больно шумный. Знаешь, с возрастом уже тишины хочется, покоя. Надоело. Хочу пожить нормально. Для себя.

Лера молча застыла. Мысли в ее голове завертелись с бешеной скоростью.

– Что ты на меня так смотришь? Ничего. Снимешь квартиру. Даю тебе три дня, чтобы съехать...

Лера ушла в тот же вечер. Собрала вещи, взяла сына за руку и ушла. Позвонила Марине, своей коллеге по работе, с которой дружила, та согласилась пустить их на некоторое время к себе. У нее была крохотная однокомнатная квартира, однако подруга собиралась на месяц в отпуск, а потом планировала взять еще пару недель за свой счет, потому что в другом городе у нее заболела мама и ей требовали сь помощь и уход.

Было больно, было обидно, но, как ни странно, после того, как мать буквально выставила ее с сыном на улицу, Лера недолго горевала и быстро пришла в себя. Она перестала нервничать и переживать из-за ворчания матери, перестала пытаться ей угодить и всякий раз чувствовать себя виноватой за то, что причиняет ей неудобства. Она как будто бы вырвалась на свободу. И с работой все складывалось хорошо. Стояла теплая погода, Дима перестал так часто простужаться, и Лера перестала сидеть на больничных и даже смогла взять подработку.

С квартирой все получилось удачно. Через некоторое время она стала счастливой обладательницей симпатичной однушки. Новоселье праздновали с подругой. Той самой Мариной, которая выручила, предложив им пожить в своей квартире. Мать, с тех пор как выставила Леру, ни разу не позвонила.

Жизнь наладилась. Ипотеку платить было трудно, но у Леры была неплохая зарплата, и очень радовало то, что они с сыном теперь жили в своей квартире и ни от кого не зависели. Дима подрос и осенью пошел в первый класс. По вечерам Лера работала за компьютером. Она брала заказы и успешно справлялась с ними. С деньгами стало полегче.

Маленький Дима рос умненьким и самостоятельным, работать не мешал, а брал свой школьный портфель и важно отправлялся делать уроки за свой стол. Мама занята – и он при деле.

В один из таких вечеров Лере позвонила мать. Женщина немало удивилась. С тех пор, как они расстались, никаких звонков от нее не было, и Лера подумала, что мать может быть и номер-то уже сменила, но нет.

Тамара Васильевна плакала в трубку. Она рассказала, что мужчина, тот самый Виктор, оказался мошенником. Он обманул ее, и она сама не знает, как осталась без квартиры. Сказала, что очень доверяла ему, в бумагах ничего не смыслила, а он был такой добрый, внимательный и галантный. Так ухаживал, такие цветы дарил и комплименты говорил, что Тамара Васильевна совсем потеряла голову. Как она переписала на него квартиру – сама до сих пор не понимает: «Как будто морок навел», всхлипывая, твердила женщина. После сделки они некоторое время пожили вместе, а потом вдруг поссорились из-за пустяка, и Виктор буквально выставил ее за дверь. Тамара Васильевна начала кричать и требовать пустить ее в свой дом, однако когда он

открыл дверь, то ткнул ей в лицо документ, подтверждающий, что квартира принадлежит ему, а она – никто и может проваливать на все четыре стороны.

Слушая в телефоне всхлипывания матери, Лера закрыла лицо рукой. Все. Кончилась их с сыном спокойная счастливая жизнь. Тамара Васильевна умоляла дочь пустить ее к себе.

Не смогла она ей отказать. Только тот, кто сам побывал в подобной ситуации, поймет, каково это – оказаться на улице без жилья. Закончив разговор, Лера разрыдалась. Она вспоминала, как с ней самой обошлась мать. Как было больно и обидно. Вспоминала ее равнодушное лицо, когда она закрывала за ними дверь...

Когда Тамара Васильевна через полтора часа появилась на пороге, она была непривычно молчалива. Тихо поставила в углу свои вещи и села на диван. От ужина отказалась, только выпила чаю. Спать ей постелили на кресле-кровати. Благо Лера специально купила такое кресло, чтобы внезапно приехавшего гостя можно было устроить на ночлег.

Так и зажили они снова вместе. Тамара Васильевна понемногу стала помогать с внуком. То из школы встретит, то поможет домашнюю работу сделать, то погулять с ним ходит. Она стала совсем тихой. Все больше молчала и старалась помогать Лере.

Дима по секрету как-то рассказал маме, что бабушка его тоже просила быть маминим помощником, потому что он единственный мужчина в семье, а маме тяжело. И потом бабушка говорила, что сильно перед ней виновата, но он не понял в чем, а спросить не решился. И еще бабушка сказала, что вырастила хорошую дочь и что она только сейчас поняла, как сильно их любит. И его и Леру...

– Бабушка! Спасибо тебе! Ты самая лучшая на свете! – Дима крепко обнимал Тамару Васильевну и целовал в щеки, а она улыбалась.

У него был день рождения, и Тамара Васильевна подарила внуку огромного программируемого игрушечного робота. Мальчик давно о таком мечтал. Они все вместе сидели за столом, пили чай и праздновали.

После того, как мама Леры лишилась квартиры, она изменилась. У них с дочерью произошел откровенный разговор. Тамара Васильевна просила Леру простить ее за то, что выгнала ее.

– Я хотела простого женского счастья, – говорила с горечью Тамара Васильевна, – а оно вон как все обернулось. Ведь это он, этот Виктор настаивал, чтобы ты с Димой съехала из моей квартиры! Постоянно настраивал меня против тебя. Однако, как оказалось, его интересовала не я, а мое жилье. Ишь, аферист какой, все просчитал, а я уши-то развесила и родную дочь выгнала ради него... И после того как он меня выставил, когда вышла в тот день из дома, то шла по улице, плакала и чувствовала себя такой ненужной, такой жалкой, такой одинокой... К кому я пойду? Куда? Не понимала я, что счастье мое родное всегда рядом было, только руку протяни, а я его лишилась, сама за дверь выставила. Ты у меня такая умница, и Димка-то, вон, какой золотой растет и на меня ведь как похож становится! Не зря говорят, что кровь – не вода... Эх... Я не представляла, как после этого смогу смотреть тебе в глаза... Но идти мне было некуда, и я тебе позвонила. Я была готова, что ты отплатишь мне той же монетой, и я бы поняла тебя...

Тамара Васильевна плакала и все никак не могла себя простить за тот поступок. Однако Лера считала, что судьба ее и так достаточно наказала, и уже давно ее простила: ошибиться может каждый. Главное, что мама поняла свою ошибку и стала другой.

Лизкин папа

Дана терпеть не могла Лизку. До чего противная девчонка! Важную из себя строит. Уроки учит всегда. Что ее ни спросит учительница – она отвечает. В пример ее ставят то и дело: «вот у Лизы черновик, а у тебя в тетради грязь!», «вот Лиза выучила, а ты нет!», «вот Лиза быстро считает, а ты все пальцы загибаешь!»

Дана и правда никак не могла эту таблицу умножения осилить, хоть и была уже в четвертом классе. Потихонечку, пряча руки под партой, так и считала на пальцах. Времени это занимало много, потому примеры она решала медленно.

И лицо у этой Лизки противное было, считала Дана. Прямо так и хотелось треснуть чем-нибудь по этому важно вздернутому носику. Она говорила, что ей мама помогает делать домашнюю работу, а чаще папа – потому что он посменно работает и иногда целый день дома. А Дана никто не помогал, сама колупалась. Вот, наверное, поэтому и получала она тройки, а иногда и двойки. «Вот если бы папа хоть раз отвлекся бы от своих дел и правда взял и помог мне!» – мечтала девочка. Но он все время занят. То на работе. То дома: обед готовит, в магазин ходит. Только ругает ее. То не сделала! Это забыла!

А Дана и так как взрослая была. Мамы у нее не было: давно уже несчастье случилось. Дана и не помнила ее, одни с папой жили. Он работал целыми днями, а Дана самостоятельная росла. На продленку ни дня не ходила. Так с первого класса и шла домой сразу. Грела себе еду в микроволновке. Готовила уроки. Все сама. И уборка на ней: подмести, посуду помыть. Папа сказал – ты хозяйка. Дана не против была, но...

Вот хоть бы раз папа просто сел рядом. Спросил ее о том, как дела, как вообще она сама, о чем думает? А она бы забралась с ногами на диван, обняла бы отца и рассказала бы про обиды свои. Про учительницу, что опять ругалась. Про то, что носок порвался, а она сама зашила! Про то, что забыла взять сто рублей на обед (те, что оставил для нее папа на столе), и потому голодная была, только хлеб из столовой взяла, пожевала немного. А учительница заругала, что, мол, на уроке жуешь. А она ведь тихонечко. Просто живот уж очень сильно урчал... Или пошли бы с папой погулять когда-нибудь. Купили бы мороженое, сели бы на лавочку в парке. Или на аттракционах покатались бы, или в кино сходили...

А Лизка все равно воображала. У нее крутой рюкзак, яркий дорогой пенал, а еще есть красивая коробочка для завтрака. Она в столовой с другими ребятами не ест. Важно так ее с собой берет. Садится, открывает, а у нее там вкуснятина разная: сырники, блинчики с вареньем! А Дана кашу холодную ест, ту, что бесплатно на завтрак в начальной школе дают, жуть, какую противную. Прямо назад идет. А что делать? Есть надо. Утром не завтракала. Папе некогда ее завтраком кормить, он рано уезжает.

А на прошлой неделе Дана даже подралась с этой Лизкой. В туалете было приоткрыто окно. На перемене Дана пошла туда, увидела и стала нос высовывать на улицу: хорошо там как! А потом открыла окно на всю и тихонечко сгребла руками снег, что был на подоконнике, и в раковину положила. А потом водой залила и весь растопила. Весело было! А Лизка увидела и учительнице рассказала. Та прибежала и давай отчитывать Дану. Обидно было! Зачем Лизка ее сдала? Кому было плохо от того, что снег в раковине утонул? Ябеда. Вот Дана и стукнула ее кулаком по спине. Тогда уж совсем конфликт вышел. Отца вызывали. Стыдили, долго беседовали. Что, мол, Дана неуправляемая совсем. Невоспитанная. Отец молчал и согласно кивал. А дома тоже молчал. Три дня молчал. Дана тихонько плакала: хоть бы накричал на нее, наказал что ли, в угол поставил. А он молчит... Что делать – непонятно. Она же ни в чем не виновата! Лизка противная сама виновата, вот поэтому все!

И сейчас, сидя на пятом уроке, Дана размышляла об этом: снова отец молчать будет или начнет все-таки разговаривать с ней? Поняла она уже, что драться плохо! Себе дороже выходит...

В раздевалке после уроков Дана увидела, что в самом углу на лавке сидит Лизка. И плачет. Прямо рыдает. Рядом никого. Все заняты своими делами. Дана подошла, наклонилась к ней, а та все причитает между всхлипываниями: «папа, папа». Дана спросила, что, мол, папа тебя обидел, что ли? А Лиза подняла на нее зареванные глаза и говорит, что приходил брат (он в десятом классе учился) и сказал, что папы не стало сегодня. Несчастный случай. Погиб. Брат должен был отвезти ее на перемене домой (вместо папы), а потом вернуться на какие-то дополнительные уроки. Но Лизка зарыдала и наотрез отказалась идти: как же домой без папы?! Забилась в угол и вот... Брат плюнул и побежал на свои уроки, оставив ее тут.

Дана подумала, что не зря считала брата Лизки дураком. Она и раньше так думала, а теперь уверилась в этом окончательно. Это же надо! Сказать ребенку, что у него не стало отца, вот так вот сразу «в лоб». «Надо было молча отвезти Лизку-то домой! Наврать ей чего-нибудь пока. А потом уж мама сама сказала бы ей», – эти мысли за секунду пронеслись у нее в голове. Дана размышляла как взрослая. Она и была «маленькая взрослая».

А Лизку ей вдруг стало очень жалко. Невероятно жалко. И отца ее. Чтобы не зареветь вместе с ней, Дана села рядом на скамейку и, переобуваясь в свои зимние сапоги, спросила:

– А брат-то чего не ревет вместе с тобой? Такой равнодушный?

Лиза объяснила, что отцы у них разные. И у брата другой отец, а этот – отчим. И брат отчима не любил, потому что тот его строго воспитывал, хотел «хорошим человеком» вырастить. А Лизу отец баловал и очень любил. И она его любила! И как теперь жить?! Без папы?!

Лизка снова зарыдала, прямо завывала. Громко. В голос. Прибежала учительница, громко стуча каблучками по плитке на полу, и гневно посмотрела на Дану, вероятно решив, что та снова ударила Лизу. Но Дана отрицательно замотала головой и демонстративно отодвинулась от плачущей девочки. Учительница стала выяснять, в чем дело, утешать и уговаривать Лизку. А Дана, сама едва сдерживая слезы, наспех натянула куртку и побрела домой.

«Какой ужас! – думала девочка, задевая носками сапог снег на дороге. – А вот если бы у меня так случилось? Папка! Мой папка! Он ведь самый лучший на свете! Как же я без него?!»

Слезы текли по щекам Даны. Холодный ветер дул в лицо, грозя превратить их в маленькие льдинки. Девочка никак не могла успокоиться. Ей было жалко Лизку, которая осталась без папы. Еще только утром она была зла на нее. Опять в столовой она достала свою прекрасную коробочку и ела бутерброды с колбасой (которые, наверное, папа нарезал). А Дана опять смотрела на нее исподлобья, ковыряя в тарелке ненавистную кашу. И на уроке Лизку вызвали к доске и она решила сложную задачу. А Дана чуть под парту не залезла в страхе, что вызовут ее, но, слава Богу, пронесло. А задачу ту папа, небось, помог ей понять. Дома объяснил. Тогда она еще не знала, что завтра его не станет... И он не знал... Ужас. И как теперь жить? Хотя у нее еще есть мама и этот противный равнодушный брат. А у Даны... Случись что – никого нет. Она уже понимала, что в таком случае ей прямая дорога в детский дом. И всегда боялась, что с папой что-то случится. Иногда, когда он приходил очень уставший с работы и засыпал на диване перед телевизором, она прислушивалась к его дыханию. Дана было страшно. Вдруг что?

А теперь она увидела, что такое может быть. Вот же! Совсем рядом.

– Папка! Ты уже дома? – Дана открыла дверь квартиры и увидела стоявшие у порога папины зимние ботинки.

– Привет, стрекоза! – весело ответил папа из кухни. – Да. Так получилось.

Дана, не говоря ни слова, понеслась прямо в сапогах и куртке на кухню, где стоял отец, и со всей силы обняла его.

– Что с тобой? – спросил он, увидев заплаканные глаза дочери.

– Ты ведь куда не денешься, да? Не пропадешь? Не исчезнешь? Обещай! Обещай!

– Даже не думал о таком... – растерянно ответил отец.

Он сел на корточки, и лицо его оказалось напротив лица Даны. Потом он погладил ее по голове, поправил косичку и тихо сказал:

– Обещаю. Я всегда буду с тобой. И никуда не денусь... только ты не хулигань! – тут же перевел он все в шутку, увидев, как в глазах дочери снова заблестели две слезинки.

Дана уткнулась головой в его плечо и сказала:

– Не буду. Я решила исправляться. Может, даже подружусь с этой Лизкой. Вроде она не такая уж и противная. Просто зазнайка. Совсем немножко. Чуть-чуть...

– А пойдем в кино! – сказал папа. – Хочешь?

– Ура! Пойдем! – подпрыгнула Дана и подумала, что она самая счастливая девочка на свете. Ведь у нее есть любимый папа!

Оболтус

– Аллочка! У нас радость, – торжественно начала мама разговор по телефону, – Олеженька, кажется, нашел работу! Офис рядом с домом, оклад – закачаешься! Вот. На собеседование сегодня пошел. Жду. Должны взять!

Алла, слушая восторженный голос матери, возвела глаза к потолку. «Сотый раз уже его вот так вот «должны были» взять. Но не взяли. Что-то пошло не так. Да он, скорее всего, и не ходит ни на какие собеседования! А матери врет. Ему же так удобно сидеть на ее шее! Но если скажу об этом, ведь опять поругаемся», – размышляла Алла, слушая по телефону мамины восторги.

Олег – младший брат Аллы. Разница в возрасте у них приличная – одиннадцать лет. Алле тридцать четыре года, она давно замужем, родила дочку, живет в отдельной квартире с мужем.

Олежка – мамин любимец, очень похож на отца, которого они потеряли рано: несчастный случай. Алле тогда было уже двадцать, она училась в институте, а брат еще только в третий класс пошел. Мама очень горевала. Родственники и знакомые все в один голос твердили ей, что нужно быть сильной, нужно подняться и жить дальше – ради сына. Аллу в расчет не брали, потому что считали взрослой. Да и характер у нее был сильный, волевой – слезам волю никогда не давала. Ставила цель и шла к ней напролом. Не любила «распускать нюни» – как она сама говорила, не в пример брату. Тот никогда не прочь был поплакаться родителям, и они быстро бежали исполнять его прихоти. Олежка рано просек это дело и нещадно пользовался всеми выгодами такого поведения.

Придя в себя через год после несчастья, мама всю свою удвоенную любовь и заботу направила на обожаемого сына. Ей казалось, что она это делает еще и в память о рано ушедшем муже, которого очень любила и который тоже души не чаял в сыне.

Олежке покупалось все самое лучшее, не смотря на скромный достаток. Мама, Римма Игоревна, работала на госпредприятии простым инженером. Больше всего она боялась, что Олеженька почувствует себя «безотцовщиной», поэтому старалась как могла. На отдых возила, дорогую модную одежду покупала, гаджеты приобретались по одному щелчку пальцев. Римма Игоревна влезала в долги и кредиты, но сын «выглядел достойно и презентабельно». К слову сказать, Алла ни на какой отдых не ездила – на всех путевки обошлись бы слишком дорого. Кроме того, она уже заканчивала институт и собиралась замуж. Разговаривая со своими подругами, мама часто повторяла, что девочка уже «отрезанный ломоть» – взрослая, сама все может, а сын – мамина гордость, красавец, требует заботы и внимания.

Олег и вправду был красив. Атлетическая фигура, аристократичные черты лица, высокие скулы, правильной формы нос, ярко-зеленые глаза, четко очерченные губы, которые часто кривились в недовольной ухмылке. Ему все было мало. Принесет мама из магазина шницеля для любимого сыночка на обед (сама-то она больше кашами питалась и овощами, это же полезно и дешево), а он скривится недовольно, отведя взгляд от компьютера, и сообщит, что, мол, опять «в том магазине» купила? Мясо же там жесткое продается! Хотя, может, его надо как-то по-особенному готовить... Мама сумки бросает и бежит в другой супермаркет, покупает рублевый бифштекс. Так и жили.

Алла вышла замуж, переехала к мужу. Свадьбу сыграли скромную. Да молодые и не хотели: муж Аллы тоже из простой семьи был, жить привык скромно и по средствам. Ему квартира двухкомнатная от бабушки досталась, там и поселились. А мама Алле накануне свадьбы сказала, разведя руками, что, дескать, денег нет, дочка, откуда они у меня, ты же видела мою зарплату? А сама вскоре после свадьбы компьютер Олежке обновила и кресло новое купила компьютерное. Дорогое, как самолет, но Олеженька захотел, сам выбирал в интернете. Мама сказала, что, мол, сидит целыми днями, спину портит, осанку, – надо хорошее.

А сидел он потому, что школу окончил, но в институт не пошел. И в колледж не пошел. Никуда не пошел. И армия ему не светила – плоскостопие. Римма Игоревна долго всем рассказывала, как трудно было в школе, какие ужасные были учителя, и теперь сыночку нужно от всего этого отдохнуть, подумать и осознанно выбрать свой жизненный путь. Такое с бухты-барухты решать нельзя. Чего торопиться – вся жизнь впереди. Вот Олежка и сидит. Выбирает жизненный путь.

Досиделся до двадцати трех лет и все никак не выберет. Профессии так и нет у него никакой. Выучиться не сподобился. Римма Игоревна не хочет, чтобы на не престижную специальность шел. «Какой смысл потом за копейки работать?» – говорит она. А на престижную тоже что-то никак. Алла пыталась объяснить, что для престижной нужно хотя бы палец о палец ударить, но и этого Олежек не сделал. Ему и не нужно. Ясное дело, что такая жизнь под крылом у матери его вполне устраивает.

И с деньгами все хуже у них. Маму на работе сократили. Ушла на пенсию, совсем жестко стало. У Олежки запросы не уменьшились, а даже выросли. Алла пыталась помогать. Но так, чтобы только матери. Потому что однажды узнала, что все деликатесы, которые она привозила, когда заезжала в гости, съедаются братом, а на переведенные ею деньги для матери ему же покупаются разные «плюшки». Он, кстати, от такой жизни свою атлетическую фигуру подрастерял уже. Алла заметила у него упитанный животик. Но мама все в восторге. Любит и обожает сыночка. Так что теперь Алла покупает только что-нибудь именно маме: одежду или технику бытовую, сынок ведь не помогает совсем.

Однажды они с мамой сильно поругались. Алла предложила ей приехать к ним с мужем пожить на некоторое время, чтобы Олежек «воспитался». Пусть прочувствует, каково это, когда самому о себе заботиться надо, может, тогда бы он быстро нашел работу. Хоть престижную, хоть не престижную, какую захочет. Мама назвала Аллу бессердечной. Разве можно так? Родной ведь кровиночка. Как он один-то будет?

– Да никак, конечно. Что это я говорю? Он же маленький еще, – в сердцах бросила Алла. – Да пойми же! Он тебя использует! Сел и ножки свесил.

Но маму переубедить не удалось. Она была уверена, что Алла злится, а может, просто ревнует и ей наплевать на судьбу брата, вот и наговаривает гадости. Разве можно так к родным относиться? Так и поругались. Созваниваться стали реже, только по праздникам. Во время одного из разговоров мама рассказала, что Олежку опять на работу не взяли. «Непонятно почему», – искренне недоумевала Римма Игоревна. И тогда она сама решила устроиться на полставки. Тяжеловато, конечно, и вставать рано приходится, но хоть какая-то прибавка к пенсии. Алла только покачала головой.

...Как-то придя с работы, Римма Игоревна обнаружила, что в квартире гости. На кухне за столом сидела молодая девушка и пила чай. Олежка достал пирожные из холодильника и выложил перед гостьей на тарелку. Он всегда любил, чтобы дома было что-нибудь к чаю.

– Знакомься, мам, это Ксения. Надо было раньше, конечно, вас познакомить, но все как-то некогда было. Она тут жить будет. Со мной. У нее дома очень тесно, еще трое братьев младших, даже комнаты своей нет, а у нас-то места полно. Ксюшка – талант! Она хорошо поет, но ты же знаешь, как сейчас у нас в шоу-бизнесе, не пробиться. Вот и приходится мыкаться молодым дарованиям.

Ксения сидела, скромно потупив взгляд в кружку с чаем.

Римма Игоревна так и застыла с пакетом молока в руках, который достала из сумки и собиралась положить в холодильник...

– Мама! Они тебе на шею вдвоем теперь сядут! – Алла почти кричала, когда мама позвонила ей с такими новостями. – Похоже, она тоже не работает. Они оба «ищут себя»! Тебя на двоих не хватит!

– Знаю, дочка, – плакала мама, – но как ее выгнать? Она же беременна. Говорит, от Олежки.

Алла устало прикрыла глаза. Случилось то, чего она боялась больше всего...

...Ксения осталась жить у Риммы Игоревны и Олега. Они поженились. Мама впряглась в еще одну подработку. Нужно было приходиться на несколько часов в небольшой офис, работать за компьютером. Совсем недалеко от дома, потому и согласилась. Фирма была не здешняя, филиал. Владелец, Юрий Семенович, импозантный мужчина пятидесяти восьми лет, сам проводил там много времени. Ведь в этом городе бизнес он только-только начинал. Он тоже подолгу сидел за компьютером, звонил, договаривался и часто куда-то ездил. Римма Игоревна приходила на работу после обеда на три-четыре часа – пригодилось ее образование экономиста, зарплату получала небольшую, но ее это устраивало.

Как-то так вышло, что бизнесмен стал подолгу разговаривать с Риммой Игоревной. Ему нравилась ее исполнительность, острый ум, всегда ровное позитивное настроение. И утонченная природная красота женщины с годами ничуть не поблекла. Она всегда следила за собой, несмотря на невысокий достаток. И самой Римме нравился бизнесмен. Он был одинок – недавно потерял жену. С головой ушел в бизнес, чтобы забыться, стал расширять фирму и вот так оказался здесь. Незаметно их деловые отношения переросли в нечто большее.

Через несколько месяцев Ксения родила ребенка – Римма стала бабушкой. Олежка так нигде и не работал, зато мама устроилась к Юрию Семеновичу на полный рабочий день и стала получать очень неплохую зарплату. Она летала как на крыльях. Жизнь засверкала для нее яркими красками. Все чаще она стала оставаться ночевать в квартире бизнесмена, а потом совсем перебралась к любимому. В один из дней она пришла домой, чтобы забрать свои вещи, и заявила сыну:

– Мы с Юрием Семеновичем поженились. Я уезжаю. Офис в нашем городе больше не требует его присутствия, и мы будем жить в его родном городе. Это далеко, шестьсот километров отсюда. Так что навещать вас не смогу, помогать тоже. В квартире живите. Только не забывайте, что за нее надо вовремя платить.

Сын был очень удивлен и ошарашен. Он и представить себе не мог, что все может так повернуться. Деньги по-прежнему в их странном семействе приносила в дом мама, но, правда, с появлением на ее горизонте «этого бизнесмена» с каждым разом все меньше...

Они подолгу разговаривали с Юрием о сыне Риммы. Юрий искренне не понимал, почему тот сидит на ее шее, ведь его собственный сын давно повзрослел и теперь помогает отцу, участвует в семейном бизнесе. Инфантильность Олега очень удивляла Юрия, но он считал, что не имеет права вмешиваться, кроме того, скоро они с Риммой должны были уехать.

Алла была очень рада за мать. Наконец-то она увидела в жизни что-то, кроме обслуживания прихотей великовозрастного оболтуса. Дочь пожелала матери счастья и с легким сердцем отпустила ее с Юрием. Бизнесмен Алле тоже нравился. Он оказался добрым, серьезным и очень надежным человеком.

– Мам, – плачущим голосом проговорил сын по телефону, – ты не могла бы приехать? Я не справляюсь. Ксения ничего не умеет – ни готовить, ни убирать не хочет, малыш постоянно болеет, денег не хватает. Стоим на очередь в сад, но не знаю, когда дадут. Я пытаюсь работать, устроился курьером, очень тяжело. Ксюха не хочет работать, да и понятно, пока ведь ребенка не с кем оставить, но она и потом не хочет. Говорит, что семью должен содержать муж. Мам, приезжай, а?

Римма Игоревна сидела на террасе симпатичного загородного дома вместе с Юрием. Они пили чай и любовались на розы, которые Юрий посадил специально для нее.

– Нет, сынок, я не могу. Это твоя семья, твой выбор. А мое место теперь здесь, рядом с мужем. Я достаточно тебя баловала. К сожалению, я не заметила, что ты вырос, и продолжала

тебя опекать, но теперь хватит. У меня своя жизнь. А ты мужчина. Ты сильный, я верю, ты справишься. А теперь извини, мне пора. Нам надо ехать на презентацию.

Сын разочарованно нажал на кнопку завершения вызова, забыв даже попрощаться. Он понял, что помогать ему больше никто не собирается. Наступила взрослая жизнь.

Забрал

- И карниз заберу! Я его сам покупал, между прочим, и вешал!
- Да забирай!
- И вафельницу! И тостер!

Лера скрестила руки на груди и невозмутимо наблюдала за Никитой. Хотя внутри у нее все буквально кипело от негодования...

– Представляешь, содрал с потолка карниз! Дырки теперь. Плед забрал новый, в субботу только купили. А самое смешное – продукты из холодильника выгреб: сыр, молоко, йогурт. Он тоже, видите ли, их покупал на свои деньги. А на мои? Вроде как, на мои ничего не покупали, ага... Жили только у меня. И квартплату я платила. И много чего еще. Тоже мне, герой – кверху дырой! – произнесла Лера и, взяв веник и совок, принялась подметать штукатурку, которая осыпалась с потолка на пол после того, как Никита «демонтировал» карниз.

Лера позвонила подруге Кате сразу же, как за Никитой захлопнулась дверь. Она сказала только два слова: «он ушел», и Катя бросилась на помощь, приготовившись увидеть подругу, бывшую в истерике.

– Он ненормальный, Лер, – пытаюсь не рассмеяться, заключила подруга. Она представила Никиту, взрослого здорового мужика, мелочно выгребавшего баночки с йогуртом из Лериного холодильника и тянущего за собой двухметровый карниз со ссыпающимися крючками. Смеяться, конечно, тут было нечему. Лера прожила с этим мужчиной два года. Практически муж и жена. Вот так жили тихо-мирно, собирались в скором времени оформлять отношения, да все никак. На отдых ездили, вели совместный быт. А потом скандал, буквально на пустом месте. Психанул Никита и ушел. Он-то мужчина видный, видимо, другую нашел, Лерка – запасной аэродром, вот и не нужна стала. А ведь почему бы по-человечески не разойтись? Прости, мол, не люблю, ошибался. Так нет.

Катя сильно подозревала, что Никита был из тех мужчин, которые долго оттягивают уход, вынашивают план расставания, собираются с мыслями о том, как они все скажут и чем объяснят, а потом цепляются за какую-нибудь мелочь и выкатывают скандал, часто под праздник, дабы усилить эффект, выставляя женщину виноватой.

– Знаем. Проходили такое, – хмыкнула Катя. – Сейчас канун Нового года, а мой бывший перед Восьмым марта меня бросил. У всех праздник – цветы и подарки, а у меня... Я целую неделю плакала с утра до ночи, не могла ни о чем думать. Дурочка была, молоденькая совсем, влюбленная в него по уши. Мне казалось, что такого, как он, я уже не встречу. Дышать не могла без него. Мир потерял все краски. Думала, что жизнь кончена, что пора мне... В общем, я вполне серьезно подумывала спрыгнуть с балкона. Вот какая глупая была! Но нет. Пережила...

Катя, вспоминая свои горести того времени, сама чуть не зарыдала, глядя на вконец расстроенную Леру. В самом деле, она рыдала тогда целыми днями, ей было так плохо, что не брали никакие успокоительные, которые она пила горстями. Не могла спать, не могла есть. Но теперь, с высоты прожитого опыта она могла с абсолютной уверенностью сказать, что все проходит. Что жизнь такая штука и просто должно пройти время. И встретит Лера еще своего единственного и неповторимого. Гораздо лучше Никиты. Который, судя по его странному поведению, возможно, ненормальный. И хорошо даже, что Лера не успела выйти за него замуж, все могло быть гораздо хуже и сложнее.

Катя молчала, собираясь с мыслями, а Лера вытерла слезы, высморкалась и стала доставать искусственную елку с антресолей. Катя мысленно порадовалась за подругу: правильно, праздник есть праздник и нельзя позволять какому-то кхм... нехорошему парню портить его. Но, начав наряжать пластмассовую красавицу, Лера села на пол и снова разревелась. Катя, набрав в легкие воздуха, только собралась произнести свою пламенную речь утешения про

жизнь и ее черно-белые полосы, пусть банальную, но выстраданную лично, как подруга, размазав остатки туши, заявила:

– Блин! А кредит теперь я одна, что ли, буду платить за машину?! Купила ее я, а платить он мне помогал! Вдвоем легче было! Ууууу...

– Э... ты в кредит ее взяла? Я не знала, думала, тебе своих денег хватило, она же подержанная вроде, недорогая... – только и смогла произнести Катя.

– Да откуда у меня такие деньги? Это еще когда вдвоем жили... А теперь и вовсе... А подарки! – снова вспомнила Лера и всхлипнула. – Он мне такие подарки дарил! Кольца, серьги классные, у него вкус художественный, кой-какие не покупал... А браслет с гранатами? Кто мне теперь такое подарит? Ууууу...

Лера зарыдала с новой силой.

– Сама купишь, – попыталась утешить подругу Катя. – погоди, он ведь и их забрал? Ты же сказала, что все подарки забрал тоже.

– Вот именно... – плакала Лера. – Я хотела надеть комплект с аметистом на Новый год, как раз к платью моему новому подходил, а сейчас... И главное – кран! Кран в ванной течет! Кто мне починит теперь, а?! Ушел, поросенок, не вовремя, хоть бы кран починил сначала, а потом уходил! Безответственный! Что мне теперь делать?..

Катя, снова пряча улыбку, посмотрела на Леру и пошла на кухню помочь подруге вымыть гору посуды. Ей было явно не до этого. Катя думала о том, что Лера и Никита друг друга стоили. Бывший возлюбленный, конечно, тот еще фрукт, выгребаящий продукты из холодильника и сдирающий с потолка карниз, но Лера удивила... Кран у нее на первом месте в жизни! Чудные дела творятся. И Лерку, видимо, не утешат слова Кати о том, что в жизни все проходит и меняется и все такое прочее. Она практичная женщина, не то, что романтическая Катя. Ей надо лучше сантехника вызвать и починить уже этот несчастный кран... Ну и ладно. Значит, легко переживет подруга разрыв, не настолько все страшно, раз про такие бытовые вещи вспоминает...

– Блин... А пылесосить теперь опять мне?! И мусор выносить?! – продолжали доноситься из комнаты рыдания Леры. Попутно подруга не забывала вешать на елку игрушки и сейчас взялась уже прикреплять электрическую гирлянду.

Катя выключила воду и принялась вытирать полотенцем тарелки и расставлять их по местам. «Ну и Лера...», – думала она, улыбаясь и качая головой.

Бабушкина помощь

– Юляшка! А ну надевай валенки-то, все уже оделись, одну тебя ждем!

Баба Вера пригладила шарфик самой младшей внучке – Сонечке, огляделась – ничего ли не забыли? – и, взяв ключи от квартиры, стала открывать входную дверь. Три внучки и бабушка отправились на прогулку.

...Юлю, как и двух ее младших сестер, воспитывала бабуля, Вера Михайловна. Нет, родители у девочек были, но в семье было решено, что они будут работать, а баба Вера с внучками сидеть. Муж у Веры Михайловны давно уже исчез в неизвестном направлении. Когда она еще молодая была, любила его сильно, а он гулял, ни в грош ее не ставил, врал напрапалую, но Вера все прощала. А потом, когда занемогла сильно, это случилось, когда дети – сын и дочь, выросли, семьи создали и разлетелись кто куда, то не нужна ему стала совсем.

Как потребовалась его помощь – за Верой Михайловной уход стал нужен, то он просто взял и ушел. Тогда дочка Женечка забрала мать к себе, хотя та до последнего отказывалась, пыталась сама, да и стыдно ей было признаваться, что муж-то бросил ее. А узнала Женя об этом случайно. Мать по телефону не говорила ничего, все хорошо у нее было всегда, не хотела волновать, а как перестала отвечать на звонки, то Женя сорвалась и поехала к ней – недоброе почуяла. И не ошиблась. Мать, оказывается, в больницу попала, но ничего, все обошлось, но дома какое-то время нужен был за ней уход. Вернулась она из больницы, а мужа и след простыл. Так и не появлялся с тех пор. Вот Женя и забрала маму к себе. Так и стали жить вместе.

Потом внучки родились, одна за другой три сестрички. Тут уж Вера Михайловна и взялась за дело. Любила она малышей очень. У себя в городе работала она нянечкой в детском саду. Могла бы и воспитателем, да образования не хватило.

Вера любила свою работу, потому что детишек очень любила. И они ей отвечали взаимностью. Каждого приголубит, утешит, отвлечет, если надо, сказку-прибаутку какую расскажет, проверит перед прогулкой, все ли пуговички застегнуты и на ту ли ножку сапожки надеты, а кто из малышей совсем не умел одеваться, так разохается, поругает его немножечко и сама беретса одевать. Все завяжет как надо и варежки наденет.

Очень жалела она тех детей, кто без мамы принимался плакать. Были такие малыши, что весь день напролет проплачут, ни есть, ни спать не хотят, лишь бы их скорее домой забрали. Вот таких и было жальче всего. А что делать? Маме и папе работать надо было, не с кем малыша оставить. Вера Михайловна кормила их из ложечки, возилась больше, чем с другими, книжки читала. Потом детки привыкали потихоньку, но к Вере сильно привязывались, не отходили ни на шаг, ведь она заменяла им маму. Воспитатели вздыхали и про таких говорили: не садовский ребенок...

Вот и взялась баба Вера воспитывать свой маленький детский сад. Трое малышей в доме – та еще катавасия, но бабуля справлялась. Наоборот, говорила дочери, что, мол, вы молодые, что вам сидеть? Идите, работайте, деньги зарабатывайте, а уж я тут сама управлюсь.

Всех трех внучек вырастила бабушка. В детский сад не ходили, все с бабушкой. И в школу потом водила их, и на кружки. Никогда не жаловалась, все с доброй улыбкой, да с хорошим настроением. И пирожков напечет, и петушков карамельных наделает на радость детям. Женя говорила, что, мол, отдохни, мама, не надо, карамельки давно уж можно купить в магазине какие захочешь, разные. А она – нет, свои вкуснее. И правда, ее петушки намного лучше магазинных получались. Так ее и запомнили девочки: доброй, заботливой, ласковой. И когда уж не стало бабушки, то сильно по ней скучали.

Выросли внучки, замуж вышли. Старшая, Юля, позднее всех семью создала, в тридцать пять лет замуж вышла. Все никак у нее не складывалось. Но ничего, и она встретила свою судьбу. Артур был ее немного старше, на пять лет. Как-то так сложилось, что он много рабо-

тал, командировки, переезды, некогда было семью создавать. А он мечтал о большой дружной семье. Поженились с Юлей. Через год первенец родился. А еще через два – второй сынок. Трудно было с двумя детьми управляться. Юля из первого декрета так и не вышла еще на работу. А очень хотела, потому что складывалось у нее там все удачно, специалист она была хороший. Но как совместить карьеру и семью? Часто она вспоминала свою любимую бабушку Веру. Чудо-женщина! Как же им с ней повезло!

А Юле помочь с малышами было некому. Ее родители далеко жили. Мама Женя с новым мужем на север переехали, так получилось. А у Артура мама, Ульяна Сергеевна, тоже не близко жила, но все же и не так уж далеко. Поговорили они с мужем и решили просить ее помочь с малышами.

Свекровь жила одна. На работе ее сократили, но дома она сидеть не хотела, да и пенсия крошечная у женщины была, вот и подрабатывала Ульяна Сергеевна медсестрой в больнице. Она любила людям помогать. Очень хорошо умела делать уколы – совсем не больно, потому часто приглашали ее на дом для этого дела, и присмотреть за пациентами тоже бралась. Люди, когда выписывались, всегда благодарили – тоже прибавка к пенсии была.

Поехал Артур к матери, и та согласилась помочь с внуками. Сдала свою квартиру, уволилась с работы и переехала жить к Юле и Артуру.

Внуки быстро привыкли к бабушке. Ульяна Сергеевна была добрая, но строгая. У нее не забалуешь. Дети быстро поняли, что бабушку надо слушаться и не вили из нее веревки, как из родителей, которые в малышах души не чаяли и нещадно баловали. А у Ульяны Сергеевны все по науке, все по часам. Подъем, водные процедуры, гимнастика, завтрак, прогулки, развивающие занятия. Накупила она книжек разных, стали с малышами изучать.

– Надо, – говорила Ульяна Сергеевна, – сразу приучать детей к порядку, к труду и учебе, с малых лет. А то потом трудно им будет. Да и вам тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.